Рэкетир

Автор:
Джон Гришэм

Рэкетир

Джон Гришэм

Детектив-exclusive

За всю историю США были убиты только четыре федеральных судьи. Недавно в этот список внесли и пятого – Раймонда Фосетта.

Тело судьи и труп его секретарши обнаружили в домике у озера, причем следы взлома и борьбы отсутствовали. А еще в хижине обнаружили настежь распахнутый пустой сейф…

Кто убил Фосетта и почему? И что хранилось в сейфе?

Ответы на эти вопросы, похоже, знает лишь один человек – заключенный лагеря в штате Мэриленд Малкольм Баннистер, бывший адвокат, осужденный за то, чего не совершал.

Баннистер готов помочь агентам ФБР, предоставив им информацию. Но за помощь он требует слишком много. И к тому же непонятно, можно ли вообще ему доверять…

Джон Гришэм

Рэкетир

Рэкетир – человек, добывающий деньги незаконными способами: мошенничеством, вымогательством и т. д.

Глава 1

Я адвокат и сижу в тюрьме. Это долгая история.

Мне сорок три года, и я отбыл половину десятилетнего срока, к которому приговорен слабаком и ханжой – федеральным судьей Вашингтона, федеральный округ Колумбия. Все мои апелляции ничего не дали, и теперь в моем полностью истощенном арсенале не осталось ни одной процедуры, механизма, малоизвестного закона, формальности, лазейки, отчаянного средства. Ничего. Зная законы, я бы мог заниматься тем, чем занимаются некоторые заключенные, – забрасывать суды тоннами бесполезных ходатайств, исков и прочего мусора, только все это мне нисколько не помогло бы. Мне ничего не поможет. Реальность такова, что еще пять лет не стоит надеяться выйти на свободу, разве только под конец скостят жалкие две-три недели за хорошее поведение – а веду я себя всегда образцово.

Мне не следовало бы называть себя адвокатом, поскольку фактически я не адвокат. Адвокатура штата Виргиния лишила меня лицензии вскоре после приговора. Все было ясно как божий день: осуждение за тяжкое уголовное преступление равносильно лишению адвокатского звания. У меня отобрали лицензию и внесли соответствующую запись в Регистр адвокатов Виргинии. Тогда всего за месяц лицензий лишились сразу трое – показатель выше среднего.

Тем не менее в своем мирке я известен как тюремный юрист и в этом качестве по несколько часов в день помогаю другим заключенным в их юридических делах. Я изучаю их апелляции и подаю ходатайства. Готовлю завещания, иногда земельные акты. Проверяю для некоторых «белых воротничков» их контракты. Я предъявляю иски к правительству по законным жалобам, но никогда по тем, которые нахожу пустяковыми. Да, и еще у меня много разводов.

Через восемь месяцев и шесть дней после начала отбытия срока я получил толстый конверт. Заключенные обожают письма, но без этого послания я бы вполне обошелся. Отправителем была юридическая фирма из Фэрфакса, штат Виргиния, представлявшая интересы моей жены, которая – удивительное дело! – пожелала со мной развестись. Всего за несколько недель из заботливой супруги, готовой к долгому ожиданию, Дионн превратилась в беглянку, жаждущую спасения. Мне было трудно в это поверить. Читая бумаги, я испытал шок, колени ослабели, глаза были на мокром месте. Испугавшись, что расплачусь, я бросился обратно в камеру, чтобы побыть в одиночестве. В тюрьме проливают много слез, но только без посторонних.

Когда я покидал дом, Бо исполнилось шесть лет. Он был нашим единственным ребенком, но мы планировали увеличить семью. Простая математика, я миллион раз все подсчитал. Когда я выйду, ему будет шестнадцать, он успеет вырасти, а я пропущу целых десять лет из того бесценного срока, который проживают вместе отец и сын. До двенадцати лет мальчики боготворят отцов и верят, что те не могут поступать плохо. Я играл с Бо в детский бейсбол и футбол, он всюду следовал за мной, как щенок. Мы удили рыбу, ходили в походы и иногда после субботнего завтрака вдвоем наведывались ко мне в контору. Он очень много для меня значил, и, пытаясь объяснить, что надолго его покидаю, я нестерпимо страдал – как и он. Очутившись за решеткой, я отказался от его посещений. Как мне ни хотелось его обнять, мысль, что малыш увидит своего отца в тюрьме, была невыносима.

Когда сидишь в тюрьме и выйдешь очень не скоро, бороться с разводом совершенно невозможно. Наши семейные ресурсы, и так невеликие, не выдержали полуторагодовой схватки с федеральным правительством. Мы всего лишились, кроме нашего ребенка и преданности друг другу. Сын так и остался несокрушимой скалой, зато преданность рассыпалась в пыль. Дионн давала прекрасные обещания все выдержать, но стоило мне уйти, и реальность пересилила. В нашем городке жена чувствовала себя одинокой, полностью изолированной. «При виде меня люди начинают шептаться», – писала она в одном из первых писем. «Мне так одиноко!» – скулила в другом. Вскоре ее письма стали заметно короче, приходили все реже. Как и она сама.

Дионн выросла в Филадельфии и не смогла привыкнуть к жизни за городом. Когда дядя предложил ей работу, она тут же заспешила домой. Через два года она снова вышла замуж, и теперь одиннадцатилетнего Бо воспитывает другой отец. Последние мои двадцать писем сыну остались без ответа. Уверен, он их

даже не видел.

Я часто гадаю, встречусь ли с ним снова. Думаю, что попытаюсь, хотя не уверен. Каково это – предстать перед ребенком, которого до боли любишь, а он тебя не узнает? Все равно нам больше не жить вместе, как обычным отцу и сыну. Хорошо ли для Бо, если его давно пропавший отец снова объявится и попытается войти в его жизнь?

Времени для таких мыслей у меня более чем достаточно.

Я – заключенный номер 44861-127 в федеральном тюремном лагере близ Фростбурга, штат Мэриленд. «Лагерь» – это учреждение с нестрогой охраной для тех, кто сочтен несклонным к насилию и осужден на срок до десяти лет. По невыясненным причинам первые двадцать два месяца отсидки я провел в тюряге с режимом средней строгости неподалеку от Луисвилля, штат Кентукки. На бюрократическом жаргоне она называется ФИУ – Федеральное исправительное учреждение, а по сути резко отличается от моего лагеря во Фростбурге. ФИУ предназначено для мужчин со склонностью к насилию, приговоренных к десяти и более годам. Жизнь там не в пример тяжелее, хотя я выжил, ни разу не подвергнувшись нападению. Помог опыт службы в морской пехоте.

По тюремным понятиям, лагерь – это курорт. Ни тебе стен, ни заборов, ни колючей проволоки и сторожевых вышек, только несколько вооруженных охранников. Фростбург относительно нов и превосходит удобством большинство государственных школ. Почему бы нет? В Соединенных Штатах на содержание одного заключенного тратится сорок тысяч долларов в год, тогда как на образование одного учащегося начальной школы – только восемь. Здесь полно адвокатов, менеджеров, социальных работников, медсестер, секретарей, всяческих помощников, десятки администраторов, которые затруднились бы объяснить, чем занят их восьмичасовой рабочий день. Федеральное правительство, чего вы хотите? Стоянка персонала перед главным входом забита хорошими легковыми автомобилями и пикапами.

Всего во Фростбурге шесть сотен заключенных, и все мы, за немногими исключениями, ведем себя смирно. Те, у кого за плечами насилие, усвоили урок и ценят здешнюю цивилизованную обстановку. Те, кто всю жизнь кочует по тюрьмам, нашли наконец дом своей мечты. Многие из этих рецидивистов не хотят отсюда выходить. Здесь им привычно, а на воле все чужое. Теплая

постель, трехразовое питание, медицина – может ли со всем этим соперничать улица?

Не хочу сказать, что это приятное место. Отнюдь. Многие вроде меня никогда не думали, что жизнь готовит им такое. Люди хороших профессий, с карьерой, с бизнесом, с активами, семейные, члены кантри-клубов… В моей «белой банде» есть Карл, окулист, перемудривший со счетами бесплатной медицинской помощи; или взять Кермита, земельного спекулянта, загонявшего разным банкам одни и те же участки; бывший сенатор штата Пенсильвания Уэсли погорел на взятке; мелкий ипотечный заимодатель Марк слишком пристрастился «срезать углы».

Карл, Кермит, Уэсли и Марк. Все белые, средний возраст – пятьдесят один год. Все признали вину.

А еще я, Малкольм Баннистер, черный, сорок три года, осужден за преступление, которого, насколько знаю, не совершал.

В данный момент я во Фростбурге единственный чернокожий, отбывающий срок за «беловоротничковое» преступление. Такое встретишь не часто.

Критерии членства в моей «черной банде» определены не так ясно. Большинство – ребята с улиц Вашингтона и Балтимора, попавшиеся за преступления, связанные с наркотиками. После условно-досрочного освобождения они вернутся на улицы и будут иметь двадцатипроцентный шанс избежать нового приговора. Что еще их ждет в жизни без образования, без профессии, с судимостями?

Говоря по правде, в федеральном лагере нет ни банд, ни насилия. Подерешься, вздумаешь кому-то угрожать, и тебя мигом переведут отсюда в какое-нибудь гораздо худшее место. Перебранок пруд пруди, особенно за телевизором, но мне не доводилось видеть оплеух. Некоторые отбывали сроки в тюрьмах штатов и рассказывают разные ужасы. Никому не хочется менять это место на другое.

Поэтому мы следим за своим поведением и считаем дни. Для «белых воротничков» заключение – это унижение, утрата статуса, положения, образа жизни. Но для чернокожих жизнь в лагере безопаснее, чем там, откуда они пришли и куда снова попадут. Для них наказание – еще одна зарубка, новая

судимость, очередной шаг на пути превращения в профессиональных уголовников.

Из-за этого я чувствую себя больше белым, чем черным.

Здесь, во Фростбурге, есть еще два бывших адвоката. Рон Наполи много лет был в Филадельфии видным специалистом по уголовному праву, пока его не разорил кокаин. Он специализировался на законах о наркотиках и защищал многих крупных наркодилеров и торговцев средней части Атлантического побережья, от Нью-Джерси до обеих Каролин. Он предпочитал, чтобы с ним расплачивались наличными и кокаином, и в конце концов все потерял. Внутренняя налоговая служба привлекла его за уклонение от налогов, и он уже отбыл половину своего девятилетнего срока. Сейчас Рон переживает не лучшие дни. Он впал в депрессию и совершенно махнул на себя рукой. Отяжелел, стал медлительным, слабым и болезненным. Раньше он рассказывал захватывающие истории о своих клиентах и их приключениях в мире наркоторговли, а теперь просто сидит во дворе и с потерянным видом поедает пакетами картофельные чипсы. Кто-то присылает ему деньги, которые он тратит в основном на нездоровую пищу.

Третий бывший юрист – вашингтонская «акула» Амос Капп, долго остававшийся успешным инсайдером, ловкачом, совавшим нос во все крупные политические скандалы. Нас с Каппом судил один и тот же судья, впаявший обоим по десятке. Обвиняемых было восемь – семеро из Вашингтона плюс я. У Каппа вечно рыльце в пушку, и в глазах наших присяжных он был, без сомнения, виновен. При этом он знал тогда – и знает сейчас, – что я не участвовал в преступном сговоре, но, будучи трусом и мошенником, смолчал. Насилие во Фростбурге строжайше запрещено, но если бы меня оставили хотя бы на пять минут наедине с Амосом Каппом, я бы точно сломал ему шею. Он это знает и, подозреваю, давно пожаловался начальнику тюрьмы. Его держат в западной части лагерной территории, подальше от меня.

Из всех трех адвокатов один я готов помогать другим заключенным в решении их юридических проблем. Мне это занятие нравится, оно захватывает и не дает скучать. А заодно оттачивает мои юридические навыки, хотя в своем адвокатском будущем я сомневаюсь. Выйдя на свободу, я могу попроситься назад в коллегию, но процедура обещает быть донельзя трудной. Вообще-то я никогда толком не зарабатывал адвокатским трудом. Был мелким юристом, к тому же черным, и мало кто из клиентов мог мне толком заплатить. На Брэддок-стрит полно других адвокатов, боровшихся за тех же самых клиентов;

конкуренция была жестокой. Так что не знаю, чем займусь после отсидки, но насчет возобновления юридической карьеры имею серьезные сомнения.

Мне будет сорок восемь, я одинок и, надеюсь, сохраню здоровье.

Пять лет – это целая вечность. Каждый день я совершаю длительную прогулку по грунтовой дорожке, тянущейся по периметру лагеря. Это его граница, известная как «черта». Переступи ее – и окажешься беглецом. Тюрьма тюрьмой, но местность здесь красивая, виды захватывающие. Шагаю, любуюсь округлыми холмами в отдалении – и борюсь с побуждением переступить «черту». Забор, способный меня остановить, отсутствует, караул тоже, никто не окликнет. Можно было бы скрыться в густом лесу, а потом вообще исчезнуть…

Я бы предпочел стену высотой футов в десять, из толстых кирпичей, с витками блестящей колючей проволоки поверху, чтобы скрывала от меня холмы и не позволяла мечтать о свободе. Это тюрьма, черт возьми! Нам нельзя ее покидать. Так поставьте стену и перестаньте нас соблазнять!

Соблазн никуда не девается, и, клянусь, чем больше я с ним борюсь, тем он день ото дня все сильнее.

Глава 2

Фростбург находится в нескольких милях восточнее мэрилендского городка Камберленд, на полоске земли между Пенсильванией на севере и Западной Виргинией на западе и на юге. Глядя на карту, понимаешь, что это ответвление появилось у штата Мэриленд по недосмотру и не должно ему принадлежать, хотя неясно, кому следовало бы его передать. Я работаю в библиотеке, и на стене над моим письменным столом висит большая карта Америки. Я слишком подолгу на нее таращусь, грезя наяву и всякий раз поражаясь, как меня угораздило стать заключенным федеральной тюрьмы на западной оконечности Мэриленда.

В шестидесяти милях к югу отсюда находится виргинский город Уинчестер с населением двадцать пять тысяч человек – там я родился, рос, учился, работал и

в конце концов потерпел крах. Говорят, после моего заключения мало что изменилось. Юридическая фирма «Коупленд и Рид» по-прежнему находится в помещении с окнами на улицу, где трудился я. Это на Брэддок-стрит, в Старом городе, рядом с ресторанчиком. Раньше на окне была выведена черным другая надпись: «Коупленд, Рид и Баннистер», и мы были единственной в окружности ста миль юридической фирмой с одними черными сотрудниками. Говорят, господа Коупленд и Рид держатся на плаву – не процветают, конечно, и не богатеют, но по-прежнему платят зарплату обеим секретаршам и аренду. Так же было и во времена моего партнерства: мы перебивались, не более того. К моменту краха я начал всерьез опасаться, что в таком маленьком городе мне не выжить.

Говорят, господа Коупленд и Рид отказываются обсуждать меня и мои проблемы. Они тоже едва не сели на скамью подсудимых, их репутация оказалась замаранной. Изобличавший меня федеральный прокурор палил картечью по любому, хотя бы немного связанному с его «великим сговором», и чуть было не угробил всю фирму. Мое преступление состояло в том, что я защищал неправильного клиента. Оба моих прежних партнера ни в каких преступлениях замешаны не были. Как я ни сожалею о случившемся, мне не хочется чернить их доброе имя. Обоим уже под семьдесят, и в свои молодые годы, начиная юридическую практику, они боролись не только за выживание адвокатской фирмы в маленьком городе, но и против последних отзвуков расовой сегрегации. Судьи порой игнорировали их в суде и выносили неоправданные решения без явных юридических оснований. Другие адвокаты часто бывали с ними грубы, грешили непрофессионализмом. Их не принимали в адвокатскую коллегию округа. Клеркам случалось терять их документы. Жюри присяжных из одних белых им не верили. А главное, их избегали клиенты. Черные клиенты. Белые к черным адвокатам в 1970-е никогда не обращались, по крайней мере на Юге, и это почти не изменилось. Фирма «Коупленд и Рид» чуть не погибла, едва появившись, поскольку черные считали, что белые адвокаты лучше черных. Трудолюбие и профессионализм в конце концов переломили тенденцию, но как же медленно это происходило!

Сначала я не собирался делать карьеру в Уинчестере. Я поступил на юридический факультет Университета Джорджа Мейсона на севере Виргинии, в пригороде Вашингтона. Летом после второго курса мне повезло: меня взяли клерком в огромную компанию на Пенсильвания-авеню, рядом с Капитолийским холмом. Эта была одна из компаний с тысячами адвокатов, с офисами по всему

миру, с фамилиями бывших сенаторов на фирменных бланках, с престижной клиентурой и приводившим меня в восторг сумасшедшим ритмом. Моим наивысшим достижением там стала роль мальчика на побегушках на процессе бывшего конгрессмена (нашего клиента), обвинявшегося в преступном сговоре с родным братом с целью вымогательства «откатов» у подрядчика оборонного проекта. Суд был форменным цирком, и я наслаждался близостью к эпицентру событий.

Спустя одиннадцать лет я вошел в тот же зал в здании суда имени Е. Баррета Преттимена в центре Вашингтона, где теперь судили меня самого.

В то лето я был одним из семнадцати клерков. Остальные шестнадцать, студенты десяти лучших юридических факультетов, получили предложения постоянной работы. Сложив все яйца в одну корзину, я весь третий курс мотался по Вашингтону, безрезультатно стучась во все двери. Одновременно со мной по тротуарам Вашингтона слонялось, наверное, несколько тысяч безработных адвокатов, поэтому немудрено было погрузиться в отчаяние. В конце концов я переместился на окраины, где фирмы были еще мельче, а работы еще меньше.

Наконец, признав свое поражение, я вернулся домой. Мои мечты о переходе в высшую лигу померкли. Коупленд и Рид сами сидели на мели и не могли позволить себе нового компаньона, однако, сжалившись, расчистили комнату на втором этаже, где скопилась разная рухлядь. Я старался изо всех сил, хотя не было смысла засиживаться допоздна при таком скромном количестве клиентов. Мы хорошо ладили, и по прошествии пяти лет они великодушно присовокупили к своим именам мое, сделав меня партнером. Мой доход от этого почти не вырос.

Находясь под судом, я с болью наблюдал, как их имена смешивают с грязью, но ничем не мог им помочь. Когда я барахтался в нокдауне, старший агент ФБР сообщил мне, что Коупленду и Риду тоже предъявят обвинение, если я не признаю свою вину и не пойду на сотрудничество с обвинителями. Я счел это блефом, хотя и не был уверен, и послал его к черту.

К счастью, это действительно оказалось блефом.

Я пишу им письма, длинные, эмоциональные, с извинениями и всем прочим, но они никогда на них не отвечают. Я прошу их навестить меня для разговора по душам, но они не отзываются. До моего родного города всего шестьдесят миль,

но меня регулярно навещает лишь один человек.

Мой отец был одним из первых чернокожих патрульных на службе у штата Виргиния. Тридцать лет Генри дежурил на дорогах вокруг Уинчестера и не променял бы свою работу ни на какую другую. Ему нравилось стоять на страже и помогать тем, кто в этом нуждался. Нравилась форма, патрульная машина, все, кроме пистолета на поясе. Несколько раз ему приходилось его вынимать, но стрелять – никогда. От белых он ждал обидчивости, от черных – требований снисхождения и был полон решимости проявлять непоколебимую справедливость. Он был суровым копом, не искавшим в законе лазеек. Противозаконный поступок являлся для него противозаконным, без всяких оговорок и крючкотворства.

С того момента, как меня отдали под суд, отец верил в мою виновность хотя бы в чем-то. Презумпция невиновности была забыта вместе с моими уверениями в непричастности. Мозги этого гордого служаки были начисто промыты целой жизнью преследования правонарушителей, и если уж федеральные агенты со всеми их ресурсами сочли меня достойным стостраничного обвинения, то, значит, правы они, а не я. Уверен, он мне сочувствовал и молился, чтобы мне удалось выпутаться, но не очень-то умел донести до меня эти чувства. Он был унижен и не скрывал этого. Как его сына-адвоката угораздило связаться с мерзкой шайкой мошенников?

Я и сам тысячи раз задавал себе тот же вопрос. Приемлемого ответа не существует.

Закончив школу и немного поконфликтовав с законом, Генри Баннистер в возрасте девятнадцати лет поступил в морскую пехоту. Там его быстро превратили в мужчину, в солдата, обожающего дисциплину и гордящегося своим мундиром. Он трижды побывал во Вьетнаме, был там ранен, получил ожоги, даже провел короткое время в плену. Его медали красуются на стене его кабинета в домике, где я вырос. Он живет там один. Мою мать сбил пьяный водитель за два года до моего приговора.

Раз в месяц Генри приезжает во Фростбург и проводит со мной час. Отец в отставке, делать ему особенно нечего, и он мог бы навещать меня каждую неделю, было бы желание. Но такого желания у него нет.

В длительном тюремном сроке много жестоких зигзагов. Например, возникает чувство, что тебя постепенно забывает весь мир, все, кого ты любишь, кто тебе необходим. В первые месяцы почта приходит целыми связками, а потом ручеек иссякает, сводясь к одному-двум письмам в неделю. Друзей и родственников, раньше исправно наносивших визиты, не видишь годами. Мой старший брат Маркус наезжает пару раз в год, чтобы убить час, посвящая меня в свои проблемы. У него трое детей-подростков на разных стадиях несовершеннолетней преступности и спятившая жена. Что такое мои невзгоды по сравнению с его? Несмотря на весь хаос его жизни, визиты Маркуса доставляют мне удовольствие. Он с ранних лет подражал Ричарду Прайору[1 - Знаменитый чернокожий комик. – Здесь и далее примеч. пер.], и меня смешит каждое его слово. Мы целый час хохочем, хотя от проделок его отпрысков впору рыдать. Руби, моя младшая сестра, живет на западном побережье, и я вижу ее раз в год. Она исправно пишет мне каждую неделю, что я очень ценю. Один мой дальний родственник просидел семь лет за вооруженное ограбление – я был его адвокатом – и навещает меня дважды в год в благодарность за мои визиты в годы его отсидки.

После трех лет заключения я месяцами не видел посетителей, не считая отца. Управление тюрем старается, чтобы расстояние от места заключения до дома заключенного составляло миль пятьсот. Мне повезло, что до моего родного Уинчестера рукой подать, ведь могла бы оказаться тысяча миль. Некоторые из оставшихся у меня друзей детства ни разу не преодолели и этого скромного расстояния, о других я ничего не слышу уже пару лет. Большинство моих прежних приятелей-юристов слишком заняты. Товарищ по юридическому факультету пишет мне раз в два месяца, но навестить меня никак не соберется. Он живет в Вашингтоне, в ста пятидесяти милях к востоку отсюда, и утверждает, что трудится без выходных в крупной юридической фирме. Мой лучший друг-десантник живет в Питсбурге, в двух часах езды, и навестил меня во Фростбурге всего один раз.

Наверное, я должен быть благодарен отцу за то, что он так старается.

Он сидит, как всегда, в маленьком помещении для свиданий, положив на стол перед собой коричневый бумажный пакет. Это либо печенье, либо шоколадные кексы от тети Расин, его сестры. Мы здороваемся за руку, но не обнимаемся – Генри Баннистер никогда в жизни не обнимет мужчину. Он разглядывает меня, определяя, не поправился ли я, и, как водится, расспрашивает, как протекает

мой стандартный день. Сам он за сорок лет не набрал ни одного лишнего фунта, и на него до сих пор налезает мундир морского пехотинца. Он убежден, что меньше есть – значит дольше жить, и боится умереть неожиданно. Его отец и дед скоропостижно скончались, не дотянув до шестидесяти. Он проходит пять миль в день и полагает, что я должен поступать так же. Я уже смирился, что он никогда не перестанет учить меня жизни, хоть в тюрьме, хоть на свободе.

Он трогает коричневый пакет:

– Это прислала Расин.

– Передай ей от меня «спасибо», – говорю я. Если он так беспокоится за мою талию, то зачем каждый раз привозит пакет жирной выпечки? Я съем две-три штуки, а остальное все равно раздам.

– Давно ты говорил с Маркусом? – спрашивает он.

– Больше месяца назад, а что?

– Беда! Подружка Делмона забеременела. Ему пятнадцать, ей четырнадцать. – Он качает головой, хмурится. Делмон стал нарушать закон с десяти лет, так что семья никогда не сомневалась, что он будет вести преступную жизнь.

– Твой первый праправнук, – пытаюсь я пошутить.

– Есть чем гордиться! Четырнадцатилетняя белая понесла от пятнадцатилетнего черного болвана, случайно носящего фамилию Баннистер…

Некоторое время мы обсуждаем эту тему. В тюремных визитах часто важно не то, что говорится, а остающееся глубоко внутри. Отцу уже шестьдесят девять, а он вместо того, чтобы наслаждаться этим золотым временем, зализывает раны и жалеет себя. Мне не хочется его осуждать. Жены, с которой они прожили сорок два года, он лишился за доли секунды. Отец еще не оправился от горя, когда оказалось, что мной интересуется ФБР, а вскоре расследование разрослось и покатилось как снежный ком. Суд надо мной длился три недели, и отец не пропустил ни одного заседания. Он с болью смотрел, как сын стоит перед судьей и слушает приговор – десять лет тюремного заключения. Потом у нас обоих

забрали Бо. А дети Маркуса выросли и причиняют большое горе своим родителям и близкой родне.

Пора, чтобы нашей семье наконец повезло, но пока на везение как-то не похоже.

– Вчера вечером беседовали с Руби, – говорит он. – У нее все в порядке, передает тебе привет, говорит, что твое последнее письмо было забавным.

– Скажи ей, пожалуйста, что письма значат очень много. – Все пять лет она аккуратно пишет мне каждую неделю. Руби – отрада нашей рушащейся семьи. Она – консультант по вопросам брака, замужем за врачом-педиатром. У них трое замечательных малышей, которых держат подальше от их опозорившегося дяди Мэла.

После долгой паузы я говорю:

– Как обычно, спасибо за чек.

Он пожимает плечами:

– Рад помочь.

Он ежемесячно присылает мне сто долларов, которые всегда кстати. Они поступают на мой счет, позволяя покупать такие необходимые вещи, как ручки, блокноты, чтиво, приличную еду. Большинство в моей «белой банде» получают из дома чеки, тогда как в моей «черной банде» никому не присылают ни пенни. В тюрьме всегда знаешь, у кого есть деньги.

– Скоро пройдет ровно половина твоего срока, – говорит он.

– Две недели – и пяти лет как не бывало.

– Наверное, время летит быстро?

– Может, на воле оно и летит, а по эту сторону стены, уверяю тебя, часы идут гораздо медленнее.

– Все равно трудно поверить, что ты здесь уже пять лет.

Это точно. Как выжить в тюрьме за такой срок? Не думай о годах, месяцах, неделях. Думай о сегодняшнем дне – как его преодолеть, как пережить. Просыпаешься назавтра – еще один день позади. Дни накапливаются; неделя идет за неделей; месяцы становятся годами. И понимаешь, какой ты выносливый, как способен жить и выживать, раз выбора все равно нет.

– Чем собираешься заняться потом? – спрашивает он. Я слышу один и тот же вопрос каждый месяц, как будто меня вот-вот освободят. «Терпение, – напоминаю я себе. – Он мой отец. И он здесь! Это многого стоит».

– Пока я об этом не думаю. Долго еще.

– Я бы на твоем месте уже задумался, – говорит он, уверенный, что, окажись в моей шкуре, точно знал бы, как быть.

– Я прошел третий уровень изучения испанского, – говорю я, гордясь собой. В моей «оливковой банде», среди латиносов, Марко, мой хороший друг – он сел за наркотики, – оказался превосходным учителем языка.

– Похоже, все мы скоро залопочем по-испански. Проходу от них нет!

Генри не выносит иммигрантов, всех, кто говорит с акцентом, выходцев из Нью-Йорка и Нью-Джерси, получателей пособий, безработных. Бездомных, по его мнению, следовало бы согнать в лагеря с режимом похуже, чем в Гуантанамо.

Пару лет назад мы с ним так повздорили, что он даже пригрозил перестать меня навещать. Препирательства – напрасная трата времени. Мне его не переделать. Спасибо ему, что приезжает, я в ответ веду себя смирно – чем еще его отблагодарить? Я – осужденный уголовный преступник, а он – нет. Он – победитель, я – неудачник. Все это для Генри важно – не пойму почему. Может, дело в том, что я учился в колледже и на юридическом факультете, а он ни о чем таком и мечтать не мог.

– Вероятно, я уеду из США, – говорю я. – Куда-нибудь, где пригодится мой испанский, – в Панаму, Коста-Рику… Теплый климат, пляжи, люди со смуглой

кожей… Для них не имеет значения судимость, сидел ты, не сидел – им не важно.

– И трава там зеленее, да?

– Да, папа, когда сидишь в тюрьме, трава всюду кажется зеленее. А что мне делать? Вернуться домой, наняться помощником юриста без лицензии и вкалывать на мелкую фирму, которой не по карману платить мне зарплату? Или стать поручителем? Может, частным детективом? Вариантов, как видишь, кот наплакал.

Он согласно кивает. Этот разговор повторяется у нас в десятый, наверное, раз.

– А правительство ты ненавидишь, – говорит он.

– О да! Федеральное правительство, ФБР, федеральных прокуроров, федеральных судей, дураков, управляющих тюрьмами. Столько всего вызывает у меня ненависть! Я тут мотаю десятилетний срок за то, чего не совершал, просто потому, что какой-то прокурорской шишке понадобилось выполнить квоту посадок. Раз правительству ничего не стоило влепить мне десятку при отсутствии улик, то ты только представь весь спектр его возможностей теперь, когда у меня на лбу вытатуировано «осужденный преступник»! Нет, пап, как только освобожусь, ноги моей здесь больше не будет!

Он с улыбкой кивает. А то как же, Мэл!

Глава 3

Учитывая важность того, чем занимаются федеральные судьи, споры, часто вспыхивающие вокруг них, и склонность к насилию многих людей, с которыми им приходится иметь дело, остается удивляться, что за всю историю страны убили только четверых действующих федеральных судей.

Недавно к ним прибавился пятый – достопочтенный Раймонд Фосетт.

Его тело нашли в подвале домика на берегу озера, который он построил для проведения выходных. В понедельник утром его хватились в суде, сотрудники канцелярии забеспокоились и обратились в ФБР. Агенты приступили к работе и нашли место совершения преступления. Домик находился в лесистой юго-западной части Виргинии, на склоне горы, у чистого озерца, называемого местными жителями Хиггинс. На большинстве дорожных карт этого озера не найти.

Ни признаков взлома, ни следов драки или борьбы – только два мертвых тела с простреленными головами да пустой стальной сейф в подвале. Судья Фосетт лежал рядом с сейфом с двумя дырками в затылке, в большой луже засохшей крови – явная казнь. Первый же судмедэксперт определил, что смерть наступила как минимум два дня назад. Согласно показаниям одного из сотрудников, он покинул свой кабинет примерно в три часа пополудни в пятницу, сказав, что поедет прямиком к себе на озеро, чтобы весь уик-энд упорно там трудиться.

Второе тело принадлежало Наоми Клэри, тридцатичетырехлетней разведенной матери двоих детей, недавно принятой судьей Фосеттом на должность секретарши. Шестидесятишестилетний судья, отец пяти взрослых детей, разведен не был. Они с миссис Фосетт уже несколько лет жили врозь, но время от времени, уступая требованиям приличий, появлялись вместе в Роаноке[2 - Крупный город в штате Виргиния.]. Все знали, что они разошлись, а поскольку он был в городе видной персоной, о них много судачили. Оба признавались детям и друзьям, что попросту не испытывают желания разводиться. У миссис Фосетт были деньги, у судьи Фосетта – положение. Оба казались более или менее довольными жизнью и обещали друг другу не заводить связей на стороне. Развестись они решили только в случае, если у одного из них кто-то появится.

Судья, очевидно, нашел женщину по своему вкусу. Почти сразу после зачисления миссис Клэри в штат по суду поползли слухи, что судья снова взялся за свое. Некоторые из его подчиненных знали, как легко он спускает штаны.

Тело обнаженной Наоми нашли на диване рядом с местом убийства судьи. Лодыжки ее были крепко стянуты серебряной клейкой лентой для труб. Она лежала на спине, с заведенными назад и перехваченными той же лентой руками. Ей тоже дважды выстрелили в голову, но не в затылок, а в лоб. Тело было усеяно мелкими ожогами. После нескольких часов споров и анализа следователи пришли к общему мнению: ее, видимо, пытали, чтобы заставить Фосетта отпереть сейф. Похоже, это сработало. Сейф оставили открытым и

совершенно пустым, без единого клочка бумаги. Грабитель очистил его, после чего пристрелил обоих.

Судья Фосетт был сыном строителя, специализировавшегося на несущих конструкциях домов, и в детстве не выпускал из рук молоток. Он всегда что-то строил: то крыльцо, то веранду, то складской навес. Когда его дети были маленькими, а брак счастливым, он выпотрошил и полностью обновил старый величественный особняк в центре Роанока, выступив генеральным подрядчиком и проведя множество выходных на строительной лестнице. Годы спустя он реставрировал квартиру на верхнем этаже многоквартирного здания, превратив ее в свое любовное гнездышко, а потом в жилище. Работа в поте лица молотком и пилой была для него терапией, умственным и физическим бегством от профессиональной деятельности, полной стрессов. Он сам спроектировал свою А-образную хижину на озере и четыре года строил ее практически самостоятельно. В подвале, где он погиб, целую стену занимали полки из кедра, забитые толстыми томами по юриспруденции. Правда, посередине этой стены была потайная дверь. За раздвижными полками скрывался сейф. Прежде чем выпотрошить, его откатили от стены фута на три.

Сейф из стали и свинца стоял на четырех пятидюймовых колесах. Это изделие компании «Вулкан сейф» из Кеноши, штат Висконсин, судья Фосетт приобрел по Интернету. Согласно описанию производителя, сейф имел высоту сорок шесть дюймов, ширину тридцать шесть дюймов, глубину сорок дюймов; объем хранения равнялся девяти кубическим футам. Сейф весил пятьсот десять фунтов и стоил две тысячи сто долларов; при надлежащей герметизации он был огне- и водоустойчив; предполагалось, что его невозможно вскрыть. Чтобы отворить дверцу, следовало ввести на передней панели шестизначный код.

ФБР столкнулось с загадкой: зачем федеральному судье с заработком сто семьдесят четыре тысячи в год такое надежное и тщательно спрятанное вместилище для ценностей? К моменту смерти у судьи Фосетта было пятнадцать тысяч долларов на текущем счете, шестьдесят тысяч на депозитном сертификате с доходностью менее одного процента в год, тридцать одна тысяча в фонде облигаций и портфель акций с изначальной стоимостью сорок семь тысяч долларов, последние десять лет неуклонно дешевевший. Он откладывал средства на старость по плану 401(K) и располагал стандартным пакетом льгот, предназначенных для высших государственных чиновников. Долгов у него практически не имелось, состояние дел было самым благоприятным. Главной его гарантией являлась должность. Конституция позволяла занимать ее

пожизненно, и прекращения выплат заработной платы не предвиделось.

Семья миссис Фосетт владела солидным акционерным банковским капиталом, но судья не имел к нему отношения. После того как супруги разошлись, у него тем более не могло быть на него никаких видов. Вывод: судья был обеспечен, но далеко не богат. Зачем такому сейф за потайной дверью, для каких таких сокровищ он предназначался?

Что хранилось в сейфе? Или, если без обиняков, за что убили судью? Из бесед с родственниками и друзьями выяснилось, что он не имел дорогостоящих привычек, не коллекционировал ни золотых монет, ни редких бриллиантов, ни чего-либо еще, что требовалось прятать от чужих глаз. За исключением впечатляющего собрания бейсбольных карточек, оставшегося с детских лет, ничто не свидетельствовало об интересе судьи к коллекционированию.

Его домик таился в такой глуши, что наткнуться на него случайно было практически невозможно. Ни с веранды вокруг домика, ни откуда-либо еще поблизости нельзя было увидеть ровным счетом ничего: ни людей, ни машин, ни каких-то построек или лодки. Полное уединение! В подвале у судьи хранились каяк и каноэ; было известно, что он проводит долгие часы на озере за ловлей рыбы, чтением и курением сигар. Не отшельник и не пугливый дикарь, просто серьезный, спокойный человек, склонный к раздумьям.

ФБР нехотя признало, что свидетелей не найдется, ведь вокруг на много миль не было ни одной живой души. Домик был идеальным местом, чтобы совершить убийство и успеть скрыться, прежде чем о содеянном станет известно. Явившись туда, сыщики сразу поняли, что у преступника серьезная фора. Дальше стало и того хуже: никаких отпечатков пальцев, следов обуви и покрышек, волокон, волосков или волосяных фолликул – ничего, что могло бы послужить ключом. Естественно, ни охранных систем, ни камер наблюдения. Зачем? Ближайший полицейский находился в получасе езды; даже если предположить, что он отыскал бы это место, то что бы стал здесь делать? Даже самого тупоголового грабителя давно бы и след простыл.

Три дня сыщики обследовали каждый дюйм в самом домике и на четырех акрах вокруг, но так ничего и не нашли. Осмотрительность и методичность убийцы дополнительно портили бригаде настроение. Тут действовал настоящий талант, дарование, не оставившее зацепок. С чего же начать?

Вашингтон уже проявлял нетерпение. Директор ФБР собирал группу специалистов, отряд особого назначения, который должен был нагрянуть в Роанок и проникнуть в тайну этого преступления.

Как и следовало ожидать, жестокое убийство судьи-прелюбодея и его молодой подруги стало подарком для прессы, особенно для таблоидов. На похоронах Наоми Клэри через три дня после обнаружения тела полиции Роанока пришлось выставить многослойные ограждения, чтобы не пустить на кладбище репортеров и любопытных. На следующий день, когда в переполненной епископальной церкви служили заупокойную службу по Раймонду Фосетту, в воздухе барражировал вертолет прессы, заглушавший орган. Начальник полиции, старый друг судьи, был вынужден поднять свой вертолет и прогнать чужака. Миссис Фосетт с каменным лицом стояла в переднем ряду вместе с детьми и внуками, не пролив ни слезинки и ни разу не взглянув на гроб. О судье наговорили много добрых слов, но некоторые, особенно мужчины, не могли не задаться вопросом: чем этот старый повеса привлек молодую любовницу?

Когда убитых предали земле, внимание тут же опять перенеслось на расследование. ФБР упорно помалкивало – потому в основном, что сказать было совершенно нечего. Прошла уже неделя после обнаружения трупов, а довольствоваться приходилось одним – баллистической экспертизой. Четыре пули с полыми наконечниками были выпущены из пистолета калибра 0.38, одного из многих миллионов на улицах американских городов и к тому же теперь, вероятно, лежавшего на дне одного из озер в горах Западной Виргинии.

Пришлось анализировать побочные мотивы. В 1979 году судья Джон Вуд был застрелен перед своим домом в Сан-Антонио. Исполнителем оказался наемный убийца, нанятый могущественным наркоторговцем, которому судья Вуд должен был вот-вот вынести приговор; судья ненавидел наркоторговлю и тех, кто ею занимался. Недаром его прозвали Джон-Максимум: мотив был очевиден. В Роаноке ФБР изучило все дела, как уголовные, так и гражданские, находившиеся на рассмотрении у судьи Фосетта, и составило список потенциальных подозреваемых – наркоторговцев от первого до последнего.

В 1988 году был застрелен в своем саду в Пелэме, штат Нью-Йорк, судья Ричард Даронко. Убийцей оказался разгневанный отец женщины, недавно проигравшей дело, рассматривавшееся этим судьей. Убив судью, отец осужденной застрелился. В Роаноке агенты ФБР тщательно изучали все дела судьи Фосетта и

допрашивали его сотрудников. В федеральных судах никогда не обходится без склочных дел и странных требований, поэтому постепенно составился некий список – имен, но не реальных подозреваемых.

В 1989 году в своем доме в Маунтин-Брук, штат Алабама, погиб судья Роберт Смит Вэнс, вскрывший посылку с бомбой. Убийца был найден и приговорен к смертной казни, но его мотивы так и остались неясны. Обвинение утверждало, что его взбесило одно из решений судьи Вэнса. В Роаноке агенты опросили сотни адвокатов, ведших дела, которые судья Фосетт рассматривал в тот момент или в недавнем прошлом. У любого адвоката есть сумасшедшие или мстительные клиенты, и кое-кто из них представал перед судьей Фосеттом. Их нашли, допросили – и сочли не вызывающими подозрений.

В январе 2011 года, за месяц до убийства Фосетта, вблизи Тусона погиб от огнестрельных ранений судья Джон Ролл. Это было то самое массовое убийство, в котором угодила под пули член конгресса США Габриэль Гиффордс. Судья Ролл оказался в неудачном месте в неудачное время, но мишенью не был, и его смерть агентам ФБР в Роаноке ничем не помогла.

С каждым днем след остывал все больше. Без свидетелей, вещественных доказательств с места преступления, при отсутствии оплошностей со стороны убийцы, с кучей бесполезной информации и всего горсткой подозреваемых, накопанных из досье судопроизводства, следствие то и дело утыкалось в тупик.

Обещание стотысячного вознаграждения не вызвало всплеска звонков по «горячим линиям» ФБР.

Глава 4

Поскольку Фростбург – тюремный лагерь, охрана здесь нестрогая. У нас больше контактов с внешним миром, чем у других заключенных. Нашу почту могут вскрывать и читать, но это бывает редко. Интернет нам запрещен, зато есть ограниченный доступ к электронной почте. Телефонов десятки, и, несмотря на множество правил пользования ими, мы обычно можем столько звонить за счет абонента-адресата, сколько хотим. Вот сотовые под строгим запретом. Нам разрешена подписка на десятки журналов из одобренного списка. Каждое утро

доставляют несколько газет, лежащих потом в углу столовой, называемом «кофейной комнатой».

И вот там я вижу как-то ранним утром заголовок в «Вашингтон пост»:

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ УБИТ ВБЛИЗИ РОАНОКА

Я не могу сдержать улыбку. Вот он, долгожданный момент!

Последние годы судья Раймонд Фосетт был моим наваждением. Я никогда с ним не сталкивался, не бывал у него в зале суда, не участвовал в процессах на его территории – в Южном дистрикте Виргинии. Почти все мои дела рассматривал суд штата. Я редко забредал на федеральную арену, и только в Северном дистрикте Виргинии, а это Ричмонд и все, что лежит к северу от него. Южный дистрикт – это Роанок, Линчбург, большая агломерация Виргиния-Бич – Норфолк. До Фосетта в Южном дистрикте служило двенадцать федеральных судей, в Северном – тринадцать.

Здесь, во Фростбурге, я знаком с несколькими заключенными, приговоренными Фосеттом, и, стараясь не проявлять лишнего любопытства, расспрашиваю их о нем. Притворяюсь, будто знаю его, поскольку он рассматривал дела моих клиентов. Все без исключения вспоминают о нем с ненавистью, считая, что он переборщил с приговорами. Похоже, ему особенно нравилось читать нотации «белым воротничкам», осужденным к лишению свободы. Такие слушания обычно привлекают больше прессы, а у Фосетта эго было с небоскреб.

Он был студентом колледжа Дьюка, потом юридического факультета Колумбийского университета, несколько лет работал в компании на Уолл-стрит. Его жена, как и ее деньги, происходила из Роанока, там они и поселились, когда ему было тридцать с небольшим. Он поступил в крупнейшую в городе юридическую фирму и быстро вскарабкался на самый ее верх. Его тесть долгие годы жертвовал средства политикам-демократам, поэтому в 1993 году президент Клинтон пожаловал Фосетту пожизненную должность в федеральном суде США по Южному дистрикту Виргинии.

В американском юридическом мире такое назначение – престиж до небес, но не большие деньги. В тот момент его новое жалованье составляло сто двадцать пять тысяч долларов в год – на триста тысяч меньше того, что он зарабатывал усердным партнерством в процветающей юридической фирме. В сорок восемь лет он стал одним из самых молодых федеральных судей в стране и, при своих пятерых детях, одним из самых нуждающихся в деньгах. Скоро тесть начал оказывать ему материальную помощь, и положение семьи облегчилось.

Однажды он описал первые годы своего судейства в пространном интервью одному из периодических юридических изданий, которые мало кто читает. Я случайно наткнулся на него в тюремной библиотеке, в стопке журналов, подлежавших списанию. Мало какие книги и журналы ускользают от моих любопытных глаз. Нередко я посвящаю чтению часов пять-шесть в день. Компьютеры здесь настольные, допотопные, спрос на них велик, поэтому работают они через пень-колоду. Однако теперь я библиотекарь, компьютеры находятся в моем ведении, и я имею к ним свободный доступ. Мы подписаны на два легальных юридических веб-сайта, с помощью которых я прочел все опубликованные мотивировочные части судебных решений ныне покойного достопочтенного Раймонда Фосетта.

На рубеже веков, в 2000 году, с ним что-то произошло. В первые семь лет своего судейства он оставался склонным к левизне защитником прав личности, сострадал беднякам и обойденным судьбой, не стеснялся бить по рукам слуг закона, скептически относился к большому бизнесу и мог пригвоздить упрямого сутягу остро заточенным пером. А потом наступил год перемен. Его мотивировки становились все короче, все вздорнее, все раздражительнее; он заметно смещался на правый фланг.

В 2000 году президент Клинтон предложил назначить его на вакантное место в Четвертый окружной апелляционный суд в Ричмонде. Это было логичным повышением для способного судьи окружного суда или для судьи со связями. В Четвертом апелляционном суде он становился одним из пятнадцати судей, рассматривавших только апелляции. Оставался бы всего один шаг наверх – в Верховный суд США, хотя неясно, имел ли Фосетт такие амбиции. У большинства федеральных судей они рано или поздно возникают. Но президентство Клинтона завершалось, причем не лучшим образом. Сенат не жаловал его выдвиженцев, и после избрания Джорджа Уокера Буша Фосетт так и остался в Роаноке.

Ему было пятьдесят пять лет. Дети повзрослели и готовились вылететь из родительского гнезда. Может быть, он пал жертвой кризиса среднего возраста или дал течь его брак. Тесть умер, не упомянув его в завещании. Его бывшие партнеры богатели, а он горбатился за скромное вознаграждение. В общем, по той или иной причине Фосетт стал совсем другим судьей. Его приговоры по уголовным делам были все более непредсказуемыми и куда менее сострадательными. В гражданских процессах он уже не симпатизировал «маленькому человеку» и, как правило, занимал сторону сильного. Судьи часто матереют и меняются, но редко с кем происходит такая резкая перемена, как с Раймондом Фосеттом.

Самым крупным делом в его карьере была война за урановые разработки, начавшаяся в 2003 году. Я тогда еще работал адвокатом и знал, что к чему в этом деле. Да и как иначе: не проходило дня, чтобы о нем не писали газеты.

Через центр и юг Виргинии проходит богатая жила урановой руды. Поскольку добыча урана губительна для природы, в штате приняли закон о ее запрете. Разумеется, землевладельцы, арендаторы, горнодобывающие компании – хозяева залежей спали и видели, как бы побыстрее приступить к добыче, и тратили миллионы на лоббистов, добиваясь отмены запрета. Но Генеральная ассамблея Виргинии[3 - Так называется законодательный орган этого штата, старейший в Западном полушарии.] отчаянно сопротивлялась. В 2003 году канадская компания «Арманна майнз» подала в Южный дистрикт Виргинии иск о признании запрета неконституционным. Это был лобовой удар с обильным финансированием под предводительством самых дорогих юридических талантов, какие только можно купить за деньги.

Вскоре выяснилось, что «Арманна майнз» – консорциум добывающих компаний США, Австралии и России, а также Канады. Ее возможные капиталовложения только в Виргинии могли достигнуть пятнадцати – двадцати миллиардов.

По системе слепого подбора судьи, действовавшей в то время, дело сначала попало к Маккею из Линчбурга, восьмидесятичетырехлетнему патриарху, страдавшему старческим слабоумием. Сославшись на состояние здоровья, он взял самоотвод. Следующим на очереди был Раймонд Фосетт, не имевший веских оснований для отказа. Ответчиком выступала Генеральная ассамблея Виргинии, к которой скоро примкнули различные города, округа, на чьей территории расположены залежи, и немногие землевладельцы, не хотевшие участвовать в уничтожении окружающей среды. Процесс вылился в

нескончаемую, давшую множественные метастазы тяжбу с участием более чем сотни адвокатов. Судья Фосетт отверг первоначальные ходатайства о своей отставке и постановил предоставить суду расширенный набор документов. Вскоре он стал посвящать этому процессу девяносто процентов своего рабочего времени.

В 2004 году в мою жизнь вторглось ФБР, и я потерял интерес к делу о добыче урана. У меня внезапно появились другие, более насущные заботы. Мой суд начался в октябре 2005 года в Вашингтоне. К тому времени разбирательство по иску «Арманна майнз» шло в переполненном зале суда в Роаноке уже целый месяц. Но меня тогда судьба урановых разработок интересовала меньше всего.

Мой трехнедельный суд завершился обвинительным приговором: мне дали десять лет. Судья Фосетт в результате десятинедельного суда вынес решение в пользу «Арманна майнз». Между двумя процессами не было ни малейшей связи – так я думал, отправляясь в тюрьму.

Но вскоре я повстречал будущего убийцу судьи Фосетта. Мне известно, кто это, известен и его мотив.

Мотив сбивает ФБР с толку. Две-три недели после убийства агенты, занявшиеся историей тяжбы с «Арманна майнз», опрашивают десятки людей, связанных с судебным разбирательством. В связи с процессом на передний план вышла пара групп защитников окружающей среды, вызвавших пристальное внимание ФБР. Фосетта грозили убить, поэтому на время судебного процесса к нему приставили охрану. Угрозы были тщательно изучены и признаны блефом, тем не менее телохранители при судье остались.

Запугивание – маловероятный мотив. Фосетт вынес приговор, и хотя его имя защитники окружающей среды подвергли анафеме, ущерб он причинил, и немалый. В 2009 году Четвертый апелляционный округ подтвердил его решение, теперь слово за Верховным судом. Пока рассматриваются апелляции, уран лежит нетронутым.

Более вероятный мотив – месть, хотя ФБР об этом помалкивает. Слова «заказное убийство» используются некоторыми репортерами, но доказательств у них нет, кроме разве что профессионализма убийцы.

Само место преступления и тщательно спрятанный, но все равно выпотрошенный сейф говорят о том, что более вероятный мотив – ограбление.

У меня есть план, который я вынашиваю уже не один год. Это моя единственная надежда выйти на свободу.

Глава 5

Каждый работоспособный заключенный федеральной пенитенциарной системы должен трудиться, и Управление тюрем следит за тарифной сеткой. Последние два года я работаю библиотекарем, получая за свои труды тридцать центов в час. Примерно половина этих денег, как и чеки от отца, поступает на баланс программы финансовой ответственности заключенных. Управление тюрем расходует эти средства на всяческие отчисления, штрафы и выплаты. Меня приговорили не только к десяти годам, но и к ста двадцати тысячам долларов различных штрафов. Если получать по тридцать центов в час, то их придется выплачивать до конца столетия, останется и на следующее.

Другие здешние должности – это повар, мойщик посуды и полов, протирщик столов, водопроводчик, электрик, плотник, секретарь, санитар, рабочий прачечной, маляр, садовник, учитель. Я считаю, что мне повезло. Моя работа – одна из лучших и не подразумевает уборки за другими людьми. Иногда я преподаю историю заключенным, решившим получить диплом о среднем образовании. Час преподавания стоит тридцать пять центов, но я повышенными ставками не соблазняюсь. Эта деятельность меня угнетает из-за низкого уровня грамотности любой тюремной публики – что черной, что белой, что оливковой. Среди них так много невежественных, что начинаешь тревожиться за нашу образовательную систему.

Но я здесь не для исправления образовательной системы, не помышляю я и о совершенствовании нашей юриспруденции или тюрем. Моя задача – оставлять позади один прожитый день за другим, сохраняя при этом как можно больше самоуважения и достоинства. Мы – отбросы, никто, презренные преступники, общество держит нас взаперти, и, чтобы об этом вспомнить, не надо далеко ходить. Тюремный надзиратель именуется «сотрудником исправительной

системы», сокращенно СИС. Не вздумай назвать его «надзирателем»: СИС куда почетнее, это почти титул. Большинство СИСов – бывшие копы, помощники шерифов, военные, не справившиеся с прежней работой и перешедшие в тюрьму. Некоторые – еще туда-сюда, но большинство неудачники, слишком тупые, чтобы сознавать свой провал. Кто мы такие, чтобы открывать им глаза? Они находятся на недосягаемой высоте, при всей своей тупости, и с наслаждением напоминают нам об этом.

СИСов беспрерывно тасуют, чтобы они не сближались с заключенными. Иногда между ними и нами возникает симпатия, однако одно из основополагающих правил выживания заключенного гласит: старайся избегать своего СИСа. Относись к нему уважительно, делай то, что он велит, не создавай ему проблем, но, главное, не попадайся на глаза.

Мой теперешний СИС, Даррел Марвин, не из лучших. Белый, грудь колесом, пивное брюхо, не старше тридцати, пытается важничать, но где ему с таким лишним весом! Даррел – невежда и расист, меня он не любит, потому что я черный и имею два диплома о высшем образовании – на два больше, чем у него. Мне приходится бороться с собой всякий раз, когда приходится подлизываться к этому ничтожеству, но выбора у меня нет. Сейчас он мне нужен.

– Доброе утро, мистер Марвин, – говорю я с фальшивой улыбкой, останавливая его перед столовой.

– В чем дело, Баннистер? – цедит он.

Я подаю ему лист бумаги, официальный бланк заявления. Он берет его и делает вид, что читает. Меня подмывает помочь ему с длинными словами, но я прикусываю язык.

– Мне нужно к начальнику, – вежливо говорю я.

– Зачем тебе к начальнику? – спрашивает он, все еще пытаясь прочесть нехитрое заявление.

Мои дела с начальником тюрьмы не касаются ни СИСа, ни кого-либо еще, но напомнить об этом Даррелу – значит навлечь на себя неприятности.

– Моя бабка при смерти, мне бы хотелось побывать на ее похоронах. Это всего в шестидесяти милях отсюда.

– Когда она умрет, по-твоему? – спрашивает этот умник.

– Скоро. Пожалуйста, мистер Марвин. Я много лет с ней не виделся.

– Начальник тюрьмы ничего такого не разрешает, Баннистер, пора бы знать.

– Я знаю, но у него передо мной должок. Несколько месяцев назад я консультировал его по одному юридическому вопросу. Пожалуйста, передайте ему заявление.

Он складывает бумагу и сует в карман.

– Ладно, но учти, это напрасный труд.

– Спасибо.

Обеих моих бабушек давно нет в живых.

В тюрьме ничего не делается ради удобства заключенного. На положительный или отрицательный ответ на любое заявление должно требоваться несколько часов, но это было бы слишком просто. Проходит четыре дня, прежде чем Даррел сообщает, что мне надлежит явиться в кабинет начальника тюрьмы завтра в десять утра. Опять фальшивая улыбка.

– Спасибо.

Начальник тюрьмы – самодержец в своей маленькой империи, с понятным самомнением царька, правящего при помощи указов или воображающего, что правит. Начальники все время меняются, и понять смысл всех этих замен невозможно. Повторяю, реформа нашей тюремной системы – не мое дело, и меня совершенно не волнует, что происходит в корпусе администрации.

Сейчас начальником у нас Роберт Эрл Уэйд, работник коррекционной системы, воплощение делового подхода. Недавно он развелся во второй раз, по сему случаю я втолковывал ему азы законов Мэриленда об алиментах. Когда я вхожу к нему в кабинет, он не встает, не подает мне руку, не утруждает себя вежливостью.

– Хэлло, Баннистер, – бросает он и указывает на пустой стул.

– Здравствуйте, мистер Уэйд. Как ваши дела? – Я сажусь.

– Я свободный человек, Баннистер. Жена номер два теперь история. Никогда больше не женюсь!

– Приятно слышать. Рад был помочь.

После этой короткой разминки он листает блокнот и говорит:

– Я не могу отпускать вашего брата домой на каждые похороны. Вы должны это понимать, Баннистер.

– Похороны ни при чем, – говорю я. – У меня нет бабушки.

– Тогда какого черта?

– Вы следите за расследованием убийства судьи Фосетта в Роаноке?

Он хмурится и откидывает голову, как будто услышал оскорбление. Я проник к нему по ложному поводу, что непременно считается нарушением режима в каком-нибудь из бесчисленных федеральных руководств. Он еще не решил, как реагировать на услышанное, поэтому, качая головой, повторяет:

– Какого черта?

– Убийство федерального судьи. Пресса только об этом и пишет.

Трудно поверить, что он умудрился пропустить всю эту историю, хотя совершенно не исключено. То, что я читаю по несколько газет в день, еще не значит, будто остальные делают то же самое.

– Федерального судьи? – переспрашивает он.

– Вот именно. Его нашли вместе с любовницей в домике на берегу лесного озера на юго-востоке Виргинии. Обоих застрелили.

– Ну да, я читал. Но вы-то тут при чем?

Он раздражен моим враньем и соображает, как меня наказать. Могущественный начальник тюрьмы не может допустить, чтобы его грубо использовал простой заключенный. Роберт Эрл вращает глазами, придумывая кару.

Мой ответ должен прозвучать как можно драматичнее, чтобы Уэйд не счел его смешным. У заключенных слишком много свободного времени, вот они и изобретают прихотливые доказательства своей невиновности, придумывают теории заговоров, начитавшись статей о нераскрытых преступлениях, копят секреты, чтобы обменять их на условно-досрочное освобождение. Короче говоря, заключенные только и думают, как бы освободиться, и Роберт Эрл, ясное дело, всего этого навидался и наслушался.

– Я знаю, кто убил судью, – провозглашаю я с максимальной серьезностью.

К моему облегчению, мои слова не вызывают у него улыбки. Он отъезжает в кресле, теребит подбородок, несколько раз кивает.

– Как же вы набрели на эти сведения?

– Я встретил убийцу.

– Здесь или вне лагеря?

– Этого я вам сказать не могу, господин начальник. Но я говорю правду. Судя по тому, что пишут, расследование ФБР ничего не дает. И не даст.

У меня безупречное дисциплинарное досье. Я ни разу не сказал грубого слова сотруднику тюрьмы, никогда не жаловался. У меня в камере нет ничего недозволенного, даже лишнего пакетика сахара из столовой. Я не играю в азартные игры и не беру в долг. Я помогал с решением юридических проблем десяткам заключенных и даже нескольким сотрудникам, включая самого начальника тюрьмы. Библиотека у меня содержится в образцовом порядке. Иными словами, я заслуживаю доверия, хотя и заключенный.

Он кладет локти на стол и скалит желтые зубы. У него темные круги под вечно влажными глазами пьяницы.

– Позвольте мне угадать, Баннистер. Вы намерены поделиться информацией с ФБР, заключить сделку и выйти на свободу. Правильно?

– Совершенно верно, сэр. Это и есть мой план.

Теперь его разбирает смех – вернее, пронзительное кудахтанье, само по себе уморительное. Откудахтавшись, он спрашивает:

– Когда вы освобождаетесь?

– Через пять лет.

– Ничего себе сделка! Называете имя – и здравствуй, свобода, на пять лет раньше срока?

– Все просто, проще не придумаешь.

– Что вы хотите от меня, Баннистер? – рычит он, забыв про смех. – Чтобы я позвонил фэбээровцам и сказал, что тут у меня один знает убийцу и готов заключить сделку? Им, наверное, звонят с этим по сто раз в день, все больше придурки, мечтающие о вознаграждении. Зачем мне рисковать своей репутацией, ввязываясь в ваши игры?

– Потому что я знаю правду, кроме того, вам известно: я не придурок и не болтун.

– Почему бы вам самому им не написать, зачем втягивать меня?

– Напишу, если хотите. Но вы все равно в это включитесь, поскольку ФБР мне поверит, вот увидите. Мы заключим сделку, и я освобожусь. А вы обеспечите поддержку.

Он откидывается в кресле, будто раздавленный должностными обязанностями, подпирает кончик носа большим пальцем.

– Знаете, Баннистер, на сегодня у меня во Фростбурге шестьсот два человека, и вы последний из них, кого я ждал в своем кабинете с такой сумасшедшей затеей. Последний из всех!

– Благодарю вас.

– Не стоит благодарности.

Я наклоняюсь вперед и смотрю ему прямо в глаза.

– Послушайте, господин начальник, я знаю, о чем говорю. Понимаю, вам трудно доверять заключенному, но все равно, выслушайте меня. Я располагаю чрезвычайно ценной информацией, которую ФБР схватит, как горячий пирожок. Пожалуйста, позвоните им.

– Даже не знаю, Баннистер… Мы оба предстанем дураками.

– Пожалуйста!

– Я подумаю. А теперь проваливайте. Скажете Марвину, что я отказал вам в поездке на похороны.

– Да, сэр. Спасибо.

Интуиция мне подсказывает, что начальник тюрьмы не пропустит небольшого развлечения. Управление лагерем нестрогого режима с покладистым контингентом – скучное занятие. Почему бы не принять участие в расследовании самого громкого убийства в стране?

Выйдя из административного корпуса, я пересекаю квадратный двор, центр нашего лагеря. По одну его сторону стоят два спальных корпуса на сто пятьдесят человек каждый, по другую – еще два таких же. Восточный и западный кампусы прямо как в небольшом симпатичном колледже.

Дорогого мистера Марвина я нахожу в надзирательской дежурке рядом со столовой. Если я туда войду, то меня шлепнут или вздернут. Но стальная дверь открыта, и я вижу, что там происходит. Марвин развалился на складном стуле, в одной руке у него стаканчик с кофе, в другой жирное пирожное. Он зубоскалит с двумя СИСами. Если эту троицу зацепить крюками за шеи и взвесить на весах для мясных туш, то вместе они потянут на тысячу фунтов.

– Чего тебе, Баннистер? – бурчит Даррел при виде меня.

– Просто хотел вас поблагодарить, сэр. Господин начальник отказал, но все равно спасибо.

– Вот видишь, Баннистер. Прими мои соболезнования.

После этого кто-то из надзирателей пинком захлопывает дверь прямо перед моим носом. Стальной лист гудит и вибрирует, и от этого меня пробирает дрожь. Знакомый звук!

Мой арест. Городской «Сивик клаб» устраивал по пятницам ленч в историческом отеле «Джордж Вашингтон», всего в пяти минутах пешком от моей работы. В клубе состояло человек семьдесят пять – все, за исключением троих, белые. В тот день я был там вообще единственным черным, но это не важно. Я сидел за длинным столом, жевал неизбежную резиновую курицу с холодным горошком и болтал с мэром и с каким-то страховым агентом. От обычных тем – погоды и футбола – мы перешли к политике, но, как всегда, осторожно. Это был типичный ленч в «Сивик клаб»: полчаса на еду и еще полчаса на чью-нибудь скучную речь. Только в тот памятный день мне не было суждено насладиться речью.

У входа в банкетный зал началась какая-то возня, потом ворвался целый взвод вооруженных до зубов федеральных агентов, собравшихся, похоже, всех нас

перебить. Настоящий полицейский спецназ в полном черном облачении ниндзя: пуленепробиваемые жилеты, устрашающее оружие, боевые каски, совсем как у гитлеровцев. Один из них проорал: «Малкольм Баннистер!» Я инстинктивно поднялся и промямлил: «Какого, собственно, черта?» В меня тут же прицелились из пяти автоматических винтовок. «Руки вверх!» – отважно гаркнул их главный, и я повиновался. Через несколько секунд меня заставили опустить руки, заломили их за спину, и я впервые в жизни почувствовал, что это такое – застегнутые на запястьях тяжелые наручники. Отвратительно и незабываемо. Меня поволокли по узкому проходу между обеденными столами и вытолкали из зала. Последнее, что я услышал, был голос мэра: «Это произвол!»

Само собой, после сего драматического вторжения члены клуба поспешили разойтись.

Вооруженные головорезы чуть ли не бегом преодолели вместе со мной вестибюль отеля. Кто-то предупредил местное телевидение, и камера засняла, как меня сажают на заднее сиденье черного «шевроле-тахо», между двумя молодцами в черном. По дороге в городскую тюрьму я спросил:

– А без этого цирка никак нельзя?

Главный, поигрывая на переднем сиденье карабином, бросил не оборачиваясь:

– Помалкивай!

– Не собираюсь! Арестовать вы меня можете, но заставить молчать – нет. Вам понятно?

– Сказано, помалкивай!

Головорез справа приставил к моему колену дуло своей «пушки».

– Уберите эту штуку, – сказал я, но дуло никуда не делось. – Похоже, вы от этого тащитесь. Это так возбуждает – прикидываться крутыми парнями, набрасываться на невиновных людей! Чистое гестапо!

– Ты что, глухой? Заткнись!

– И не подумаю! У вас есть ордер на арест?

– Есть.

– Покажите.

– В тюрьме покажу, а пока лучше помалкивай.

Ниже его гитлеровской каски виднелась полоска шеи, и она на глазах багровела. Я набрал в легкие побольше воздуха и приказал себе успокоиться.

Каска. Я сам носил такую четыре года, пока служил морпехом. В ней я воевал в первой Войне в заливе. Второй полк, восьмой батальон, вторая дивизия, морская пехота США. Это мы, морпехи, первыми ударили в Кувейте по иракцам. Великой битвой это не назовешь, но я насмотрелся на убитых и раненых с обеих сторон.

А теперь я сидел между игрушечными солдатиками, ни разу не слышавшими настоящей стрельбы и не способными пробежать даже мили. Но вообще-то они были еще ничего.

Рядом с тюрьмой уже караулил репортер местной газетенки. Мои стражи не спешили, чтобы он успел меня как следует заснять. Молодцы, нечего сказать.

Скоро я узнаю, что другой отряд официальных бандитов устроил налет на помещение фирмы «Коупленд, Рид и Баннистер», пока я сидел на ленче вместе с другими членами «Сивик клаб». Все было блестяще продумано и спланировано: отряд дождался полудня, когда в конторе осталась только бедная миссис Хендерсон. Согласно ее показаниям, они ворвались с карабинами наперевес и давай драть глотки, браниться, угрожать. Швырнули на ее письменный стол ордер на обыск, заставили сесть в кресло у окна и пообещали арестовать, если она осмелится делать еще что-нибудь, кроме вдохов и выдохов. Наша скромная контора подверглась форменному разгрому. Вывезли все: компьютеры, принтеры, десятки коробок с документами. В разгар обыска с обеда вернулся Коупленд. Стоило ему запротестовать, как его взяли на мушку. Пришлось присесть рядом со всхлипывающей миссис Хендерсон.

Арест стал полной неожиданностью. ФБР взяло меня в оборот за год с лишним до того. Я нанял адвоката, и мы с ним изо всех сил старались сотрудничать со следствием. Эксперты ФБР дважды проверяли меня на детекторе лжи. Мы предоставили все документы, которые я как юрист имел право показать, не нарушая требований этики. Дионн я рассказывал об этом далеко не все, но она знала, что я не нахожу себе места от тревоги. Я не мог справиться с бессонницей, ел через силу – пропал аппетит. Наконец, после целого года жизни в постоянном страхе, ФБР уведомило моего адвоката, что правительство утратило ко мне интерес.

Правительство солгало – не в первый и не в последний раз.

В городской каталажке – хорошо знакомом мне месте, которое я посещал не меньше двух раз в неделю, – закрепился еще один взвод агентов. На них были просторные куртки с желтыми буквами «ФБР» на спинах, и все изображали крайнюю деловитость, хотя понять, чем они заняты, не представлялось возможным. Местные полицейские, многие – мои хорошие знакомые, держались в сторонке и смотрели на меня смущенно и сочувственно.

Так ли уж необходимо было задействовать две дюжины федеральных агентов, чтобы арестовать меня и конфисковать мои документы? Я всего лишь перешел из здания конторы в отель «Джордж Вашингтон». Любой самый безмозглый коп мог бы остановить и арестовать меня в свой обеденный перерыв. Но ведь и этим чрезвычайно важным людям хочется получать от жизни удовольствие!

Меня отвели в тесную комнатушку, усадили за стол, сняли наручники и велели ждать. Через несколько минут вошел человек в темном костюме и назвался специальным агентом ФБР Доном Коннором.

– Очень рад, – сказал я.

Он положил передо мной листы бумаги.

– Вот ордер на ваш арест. – Толстая стопка листов, сколотых степлером. – А вот обвинительное заключение. Даю вам несколько минут, прочтите.

Сказав это, он отвернулся и вышел, со всей силы саданув дверью. Дверь была железная, толстая, и грохот от удара сотрясал каморку несколько секунд.

Никогда не забуду этот звук.

Глава 6

Через три дня после моей первой встречи с начальником тюрьмы Уэйдом меня снова вызывают в его кабинет. Я застаю его в одиночестве, за важным телефонным разговором, и скромно стою у двери, дожидаясь, пока он закончит. Наконец он с невежливым «хватит!» кладет трубку и, встав, манит меня за собой, в соседнюю переговорную. Стены там чиновничьего светло-зеленого цвета, железных стульев больше, чем когда-либо понадобится.

В прошлом году аудиторская проверка выявила покупку Управлением тюрем для «административных нужд» четырех тысяч стульев по восемьсот долларов за штуку. Производитель просит за такой стул семьдесят девять долларов. Мне-то наплевать, но, работая за тридцать центов в час, приобретаешь новый подход к деньгам.

– Садитесь, – говорит он, и я опускаюсь на это сверхдорогое уродство.

Он устраивается напротив – между нами должен быть барьер, в данном случае это стол. Я насчитываю двадцать два стула – ну и пусть.

– После вашего ухода я звонил в Вашингтон, – начинает он напыщенно, как будто поддерживает регулярный контакт с Белым домом. – Управление порекомендовало мне действовать по своему усмотрению. Я поразмыслил и связался с ФБР в Роаноке. Они прислали двух сотрудников, которые уже здесь.

Я изображаю бесстрастность, хотя новость воодушевляющая.

Он тычет в меня пальцем:

– Только учтите, Баннистер, если вы затеяли жульничество и поставите меня в неудобное положение, то уж я постараюсь испортить вам жизнь!

– Никакого жульничества, сэр, клянусь!

– Сам не знаю, почему я вам верю.

– Вы не раскаетесь.

Он достает из кармана очки, водружает их на нос и смотрит в бумажку.

– Я говорил с помощником директора Виктором Уэстлейком, курирующим расследование. Он прислал для беседы с вами двух подчиненных, агентов Хански и Эрарди. Я не назвал ваше имя, так что они ничего не знают.

– Спасибо, сэр.

– Ждите здесь.

Он хлопает ладонью по столу, встает и выходит. Я напрягаю слух в ожидании шагов и чувствую резь в животе. Если ничего не получится, я просижу еще пять лет, а может статься, даже больше.

Специальный агент Крис Хански – старший по должности, ему примерно столько же лет, сколько мне, и много седины в волосах. Агент Алан Эрарди – его подчиненный. В газетах писали, что делом Фосетта занято сорок агентов ФБР, и эти двое – далеко не из главных. Первая встреча будет важной, как и последующие, но руководство поступило правильно, прислав поначалу мелкую сошку.

Начальника тюрьмы с нами нет – наверное, он у себя в кабинете, подслушивает у двери.

Они даже не достают ручек и блокнотов – явно относятся к нашей беседе несерьезно. Им не хватает ума догадаться, что на моем счету долгие часы таких бесед с агентами ФБР.

– Итак, вы хотите заключить сделку, – начинает Хански.

– Я знаю, кто и за что убил судью Фосетта. Если эта информация окажется ценной для ФБР, то мы сможем заключить сделку.

– Вы исходите из того, что мы сами еще в неведении, – говорит Хански.

– Уверен, что вы в неведении. Разве иначе бы вы приехали?

– Нас направили сюда, поскольку мы проверяем любую версию. У нас серьезные сомнения, что от этого будет какой-то толк.

– А вы попробуйте.

Они самоуверенно переглядываются. Пока это для них игра, развлечение.

– Вы назовете нам имя. Что вам надо взамен?

– Освобождение из тюрьмы и защиту.

– Так просто?

– Нет, на самом деле все сложно. Этот человек опасен, его друзья еще опаснее. К тому же я не желаю ждать два года, пока его осудят. Если я называю вам имя, то выхожу на свободу. Немедленно.

– А если его оправдают?

– Это ваша проблема. Если обвинение не докажет его причастность, то вы не должны винить в этом меня.

Наконец-то Эрарди достает блокнот, снимает с дешевой ручки колпачок и что-то записывает. Я добился их внимания. Они по-прежнему стараются изобразить безразличие, но у них непростое положение. Следственная бригада в тупике: газеты утверждают, что у них нет ни одной перспективной версии.

– А если вы назовете нам кого-то другого? Мы займемся не тем подозреваемым, а вы станете свободным человеком.

– Свободным мне никогда не быть.

– Вы освободитесь из тюрьмы.

– И весь остаток жизни буду озираться.

– Система защиты свидетелей еще не потеряла ни одного осведомителя. На ее счету уже более восьми тысяч человек.

– Реклама есть реклама. Честно говоря, ваши успехи меня не касаются, судьба других – тоже. Моя собственная шкура – вот что меня заботит.

Эрарди перестает строчить в блокноте.

– Получается, этот субъект – член банды, может, наркодилер. Что еще скажете?

– Ничего. Я пока ничего не сказал. Гадайте сколько хотите.

Хански улыбается – что тут смешного?

– Вряд ли нашего босса впечатлит ваша схема выхода из тюрьмы. На сегодня еще как минимум два заключенных утверждают, что располагают важными сведениями. Им тоже, конечно, хочется на волю. Обычное дело.

Я не могу определить, вранье это или нет, но звучит правдоподобно. У меня все еще крутит живот. Я пожимаю плечами, растягиваю губы в улыбке, призываю себя к спокойствию.

– Поступайте как знаете. Можете и дальше биться головой о стену. С другими заключенными вы только зря потеряете время. Решать вам. Захотите имя человека, убившего судью Фосетта, – я вам его назову.

– Вы видели его в тюрьме? – спрашивает Эрарди.

– Или на воле. Сначала сделка, потом все остальное.

Они долго молчат, глядя на меня, я тоже молча таращу на них глаза. Наконец Эрарди захлопывает блокнот и убирает ручку в карман.

– О'кей, – говорит Хански. – Мы уведомим босса.

– Вы знаете, где меня найти.

Несколько раз в неделю наша «белая банда» сходится на беговой дорожке, и мы описываем большие круги вокруг футбольного поля. Окулист Карл освобождается через несколько месяцев. Спекулянту земельными участками Кермиту сидеть еще два года. Сенатору штата Уэсли выходить примерно тогда же, когда и мне. Только у Марка дело еще на апелляции. Он здесь уже полтора года и утверждает, будто его адвокат настроен оптимистически, хотя сам он не скрывает, что подделывал закладные.

Мы мало говорим о своих преступлениях – в тюрьме это не принято. Не важно, кем ты был и что делал на воле. Об этом слишком больно распространяться.

Жена Уэсли недавно подала на развод, и для него это стало ударом. Я через это уже прошел, Кермит тоже, и мы помогаем ему советами, пытаемся подбодрить. Я бы рад повеселить их подробностями беседы с фэбээровцами, но об этом лучше помалкивать. Если мой план сработает, то в один прекрасный день я пойду прогуляться – и исчезну; по легенде, меня внезапно переведут в другой лагерь по причинам, которые так и останутся неизвестными.

Глава 7

Временным штабом бригады ФБР по расследованию убийства Фосетта служил склад в промышленной зоне рядом с аэропортом Роанока. До этого склад пустовал. Когда-то его снимала компания, завозившая из Центральной Америки креветки и замораживавшая их на много лет. Склад немедленно прозвали «Морозильником». Места там полно, уединение и отсутствие прессы гарантированы. Плотники быстро возвели перегородки, и появились комнаты, кабинеты, коридоры, гостевые залы. Техники из Вашингтона трудились

круглосуточно, устанавливая суперсовременное оборудование и устройства связи, хранения информации и безопасности. Грузовики, набитые мебелью, шли один за другим, пока КЦ – командный центр – не наполнился огромным количеством разнокалиберных столов, которые никогда никому не понадобятся. Стоянку заполнили несчетные арендованные внедорожники. Специально нанятая компания обеспечивала трехразовое питание для семи десятков человек – сорока агентов плюс обслуга. Никаких ограничений по расходам: шутка ли, убитый – федеральный судья!

Сначала предполагалось трудиться полгода, но уже недели через три федералы поняли, что так быстро не управятся. За исключением короткого списка случайных подозреваемых – лиц, совершавших насильственные преступления и представавших перед судьей Фосеттом на протяжении последних восемнадцати лет, – реальные версии отсутствовали. Некто Стекс написал судье в 2002 году угрожающее письмо из тюрьмы. Теперь он работал на винном складе в Панама-Сити-Бич, штат Флорида, и располагал алиби на тот уик-энд, когда были убиты судья и его подруга. Наркоторговец Руис обругал его честь по-испански при вынесении приговора на двадцать лет в 1999 году. Руис по-прежнему отбывал заключение в тюрьме с режимом среднего уровня строгости. ФБР несколько дней ворошило его прошлое и пришло к выводу, что весь его прежний штат кокаиновых курьеров уже распихан по могилам и по тюрьмам.

Одна из групп методично изучала все дела, по которым Фосетт вынес решения за восемнадцать лет своей судейской службы. Он был рабочей лошадкой с годовой производительностью в триста дел, тогда как средний показатель для федерального судьи составлял двести двадцать пять. Судья Фосетт приговорил к тюремному заключению приблизительно три тысячи сто мужчин и женщин. Исходя из сомнительного предположения, что его убил кто-то из их числа, следственная группа потратила сотни рабочих часов сначала на составление списка потенциальных подозреваемых, а потом на вычеркивание из него одной фамилии за другой. Другая группа изучала гражданские и уголовные дела, находившиеся на рассмотрении у судьи перед убийством. Была еще одна группа, тратившая время на изучение тяжбы с «Арманна майнз», уделяя особое внимание паре чудаков из числа экологических активистов, сильно невзлюбивших Фосетта.

С начала функционирования «Морозильник» представлял собой гудящий от напряжения улей: там постоянно проводились экстренные совещания, нервы у всех были натянуты до предела, тупик возникал за тупиком, карьеры рушились

одна за другой, из Вашингтона доносился неумолчный сердитый лай. Журналисты трезвонили как нанятые. Блогеры поддавали жару, непрерывно придумывая все новые вопиюще лживые слухи.

А потом на сцену выступил заключенный по имени Малкольм Баннистер.

Возглавлял следственную бригаду Виктор Уэстлейк, фэбээровец с тридцатилетним стажем и уютным кабинетом с приятным видом из окна в Гувер-билдинг на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне. Последние три недели он прозябал в свежевыкрашенной конуре без окон посередине КЦ. Для него это были далеко не первые гастроли. Уэстлейк славился как опытный организатор, мчавшийся на место происшествия, выстраивавший войска, вникавший в тысячи деталей, планировавший атаку – и раскрывавший преступление. Однажды он провел целый год в мотеле под Буффало, выводя на чистую воду гения, развлекавшегося отправкой минированных посылок федеральным инспекторам по контролю качества мяса. Еще через два года бомбиста сцапали.

Уэстлейк был, как всегда, в своем кабинете и по привычке стоял, а не сидел за столом, когда вошли агенты Хански и Эрарди. Поскольку босс стоял, остались стоять и они. Он считал многочасовое сидение смертельно опасным для здоровья.

– Я вас слушаю! – гаркнул он, щелкнув пальцами.

– Его имя Малкольм Баннистер, черный мужчина, возраст сорок три года, – зачастил Хански. – Приговор – десять лет за нарушение закона RICO[4 - Имеется в виду закон о наказании лиц, подпавших под влияние рэкетиров, и о коррумпированных организациях.], вынесен федеральным судом в Вашингтоне. Бывший адвокат из Уинчестера, Виргиния. Говорит, что может назвать убийцу и мотив, но в обмен хочет, конечно, выйти на свободу.

– Причем немедленно, с предоставлением защиты, – добавил Эрарди.

– Тоже мне новость – зек просится на свободу! Он заслуживает доверия?

Хански пожал плечами.

– Он вызывает доверие – насколько можно доверять зеку, конечно. Начальник тюрьмы утверждает, что он не мошенник, замечания отсутствуют. Начальник советует к нему прислушаться.

– Что он вам сказал?

– Ровным счетом ничего. В уме ему не откажешь. Может, он что-то и знает. Если так, то это его единственный шанс выйти на свободу.

Уэстлейк двинулся вперед по гладкому цементному полу, посыпанному свежей стружкой. Дойдя до стены, он вернулся к столу.

– Что он был за адвокат? Уголовный? Защищал наркоторговцев?

– Небольшой город, обычная провинциальная рутина, – ответил Хански. – Кое-какой опыт уголовного процесса, судебной практики не много. Бывший морской пехотинец.

Это Уэстлейку, тоже бывшему морскому пехотинцу, понравилось.

– Когда и где служил?

– Четыре года, уволился с почетом, воевал в первую Войну в заливе. Его отец тоже был морским пехотинцем, потом – патрульным в Виргинии.

– На чем погорел?

– Вы не поверите: на Подкупающем Барри.

Уэстлейк умудрился нахмуриться и улыбнуться одновременно.

– Да бросьте!

– Представьте себе! Он вел для Барри кое-какие сделки с недвижимостью и угодил в шторм. Если помните, присяжные признали их виновными в нарушении законов RICO и в преступном сговоре. Кажется, загребли сразу восьмерых.

Баннистер был мелкой рыбешкой, попавшейся в широкую сеть.

– Связь с Фосеттом?

– Пока не нашли. Мы имя-то его узнали только три часа назад.

– У вас уже есть план?

– Типа того, – сознался Хански. – Если считать, что Баннистер знает убийцу, логично предположить, что они познакомились в тюрьме. Вряд ли он повстречал его на тихих улицах Уинчестера; скорее всего их пути пересеклись в тюрьме. Баннистер сидит пять лет. Первые двадцать два месяца он провел в Луисвилле, штат Кентукки, в тюрьме с режимом средней строгости на две тысячи человек. Потом его перевели во Фростбург, лагерь на шестьсот душ.

– Многовато народу. Одни садятся, другие освобождаются… – проговорил Уэстлейк.

– Точно. Так что мы пойдем логическим путем. Возьмем его тюремное досье, выпишем фамилии сокамерников, соседей по спальне. Побываем в обеих тюрьмах, поговорим с их начальниками, надзирателями блоков и прочими, со всеми, кто мог что-то знать про Баннистера и его друзей. Начнем собирать имена и проверим, чьи пути пересекались с Баннистером.

– Он говорит, что у убийцы опасные друзья, – добавил Эрарди. – Потому и просит защиты. Похоже на какую-то банду. Начнем составлять список и сосредоточимся на тех, кто связан с бандами.

После недолгого молчания Уэстлейк с сомнением проговорил:

– Это все?

– На сегодня все, на что мы способны.

Уэстлейк сцепил пальцы за головой, потянулся и глубоко вздохнул.

– Валяйте, – сказал он. – Берите тюремные досье – и за работу. Сколько вам нужно народу?

– Двоих дать можете?

– Не могу, но все равно берите. Приступайте. Вы свободны.

Подкупающий Барри. Клиент, с которым я впервые встретился в федеральном суде тем серым утром, когда громко прозвучало обвинительное заключение.

В адвокатской конторе с дверью на улицу осваиваешь азы многих обычных юридических задач, но специализироваться на какой-то одной сложно. Я старался избегать разводов и банкротств, не любил сделки с недвижимостью, но выживать значило браться за любое дело, с каким бы к нам ни пришли. Забавно, что мой крах произошел именно из-за недвижимости.

Клиента прислал один мой приятель по юридическому факультету, работавший в фирме средней величины в центре Вашингтона. Клиент пожелал приобрести охотничий домик в округе Шенандоа, у подножия гор Аллегени, примерно в часе езды на юго-запад от Уинчестера. Требовалась полная секретность и анонимность сделки – уже это должно было насторожить. Покупка тянула на четыре миллиона, и я, немного поторговавшись, добился для «Коупленд, Рид и Баннистер» вознаграждения за сделку в целых сто тысяч. Ни я, ни мои партнеры в жизни не видывали таких гонораров, поэтому сперва мы обрадовались. Я забросил другие дела и стал изучать поземельную книгу округа Шенандоа.

Домик построили лет двадцать назад врачи, любившие охоту на куропаток, но, как часто случается при совместных начинаниях, партнеры поссорились. Ссора была серьезная, с адвокатами и исками, даже с парочкой банкротств. Но мне хватило двух недель, чтобы более или менее разобраться и решить, что дело моего анонимного клиента будет нехитрым. Назначили дату подписания сделки, подготовили все договоры и документы о передаче прав собственности. Возни было немало, но нас бодрил крупный гонорар.

Заключение сделки отложилось на месяц, и я обратился к своему университетскому другу с просьбой о пятидесяти тысячах долларов – половине гонорара юристов. Так часто бывает, к тому же я уже потратил на это дело сто

рабочих часов и хотел компенсации. Друг перезвонил и сообщил, что клиент отказал. Я не придал этому значения, поскольку при типичных сделках с недвижимостью юристам редко платят до заключения договора. Меня уведомили, что мой клиент – корпорация – сменил название. Я переделал документы и стал ждать. Срок заключения сделки снова перенесли, и продавцы стали грозить отказом от продажи.

В то время мне была смутно известна репутация одного столичного проныры по имени Барри Рафко, прозванного Подкупающим Барри. Ему было лет пятьдесят, и почти всю свою сознательную жизнь он отирался в Вашингтоне в поисках легкого обогащения. Он был и консультантом, и стратегом, и аналитиком, и сборщиком средств, и представителем фирм, трудился на низовом уровне в избирательных кампаниях кандидатов в конгресс и в сенат, как демократов, так и республиканцев. Барри было все равно. Он мог разрабатывать стратегию и предоставлять анализ на любой стороне улицы, лишь бы за это платили. Но он превзошел себя, когда на пару с партнером открыл лаунж-бар рядом с Капитолием. Нанял шлюх, чтобы работали там в мини-юбках, и задумал превратить заведение в излюбленное место для несчетной публики, кишащей на холме. Первыми этот бар разнюхали малоизвестные конгрессмены и бюрократы среднего звена, занесшие притон Барри на свою карту. Набив карманы деньгами, Барри приступил к следующему проекту: открыл в двух кварталах от своего лаунж-бара стейк-хаус. Туда стали захаживать лоббисты, прельщенные отличными стейками и вином за разумную цену, а вскоре там появились любимые столики у сенаторов. Барри обожал спорт, пачками скупал билеты на матчи «Редскинс», «Кэпиталз», «Визардз», «Джорджтаун хойас» и раздавал их друзьям. У него возникла и быстро разрослась и собственная фирма с «правительственными связями». После ссоры с партнером Барри выкупил его долю в совместных проектах и, подстегиваемый честолюбием, уже ни на кого не оглядываясь, располагая крупными средствами, нацелился покорить вершину. Махнув рукой на соображения этики, он превратился в самого агрессивного «поставщика влияния» в Вашингтоне. Богатому клиенту, пожелавшему пробить новое удобное «окно» в налоговом кодексе, Барри мог предоставить умельца, способного сочинить законопроект, обеспечить ему поддержку и утверждение. Если богатому клиенту требовалось расширить производство, Барри брался добиться ассигнований и перевода средств на счет соответствующей компании и вознаградить постаравшегося ради этого конгрессмена денежками на грядущее переизбрание. Все оставались довольны.

Первый раз Барри попытались привлечь к ответственности по обвинению в попытке подкупить старшего советника сенатора США. Обвинение развалилось,

но к Барри прилипло прозвище Подкупающий.

Орудуя на самой сомнительной грани и без того сомнительного бизнеса, Барри знал силу денег и секса. Его яхта на Потомаке приобрела славу «корабля любви», где регулярно устраивались оргии с участием молоденьких женщин. В Южной Калифорнии ему принадлежало поле для гольфа, куда он вывозил на длинные уик-энды членов конгресса – обычно без жен.

По мере роста своего могущества Барри проявлял все больше склонности к риску. Старые знакомые уже шарахались от него, опасаясь неизбежных неприятностей. Его имя зазвучало на расследованиях по вопросам парламентской этики в конгрессе. Ему сели на хвост репортеры «Вашингтон пост», и Барри Рафко, всегда жаждавший внимания, получил его, что называется, по полной.

Я не знал – и не мог знать, – что охотничий домик – один из его проектов.

Название корпорации снова поменялось, документы вновь пришлось переделывать. Опять отсрочка подписания, а потом новое предложение: мой клиент изъявил желание снять домик на год за двести тысяч в месяц с вычетом всех арендных платежей из цены последующего приобретения. Последовала неделя упорных препирательств, после чего было достигнуто согласие. Я в очередной раз переделал контракты и настоял на выплате моей фирме половины ее комиссионных. Так и произошло, и Коупленд с Ридом несколько успокоились.

При подписании контрактов оказалось, что клиент – офшорная компания с крохотного острова Сент-Китс; я по-прежнему не знал, кто за ней стоит. Контракты дистанционно подписал некий представитель корпорации на Карибах, после чего их за одну ночь доставили мне. Согласно договоренности, клиент переводил на доверительный счет нашей юридической фирмы четыреста пятьдесят тысяч с небольшим – арендную плату за первые два месяца, остаток наших комиссионных и покрытие дополнительных расходов. Я дважды отправлял по двести тысяч, за первые два месяца, далее клиент пополнял счет. Так должно было происходить в течение года, затем аренда переоформлялась в продажу, за что наша фирма опять получала существенные комиссионные.

После перевода на наш счет первого транша из банка позвонили и уведомили, что сумма составила не четыреста пятьдесят тысяч, а четыре миллиона пятьсот тысяч. Я предположил, что кто-то напутал с нулями; вообще-то бывают вещи похуже, чем слишком много денег в банке. Мои попытки созвониться с фиктивной компанией на Сент-Китс, технически являвшейся моим клиентом, оказались безуспешными. Я связался с факультетским другом, выступившим посредником, и он пообещал разобраться. Я перечислил первый арендный платеж и комиссионные нашей фирме и стал ждать инструкций, как поступить с остальными деньгами. Шли дни, недели. Через месяц из банка сообщили о поступлении на наш доверительный счет еще трех миллионов долларов.

К этому времени Рид и Коупленд уже сильно встревожились. Я велел банку избавиться от денег – перевести их туда, откуда они пришли, и немедленно. Повозившись два дня, сотрудник банка доложил, что счет на Сент-Китс закрыт. Наконец факультетский друг прислал мне электронное письмо с инструкциями: половину денег следовало перевести на счет на острове Большой Кайман, другую половину – на счет в Панаме.

Я, мелкий юрист, не имел никакого опыта по отправке средств на номерные счета, но короткий поиск в Гугле надоумил меня, что я забрел сослепу в «налоговый рай», пользующийся самой дурной славой. Я уже жалел, что взялся работать с анонимным клиентом, каких бы денег это ни сулило.

На перевод в Панаму пришел ответ в виде нового поступления – три с половиной миллиона. Я наорал на факультетского друга, тот – на кого-то еще. Деньги лежали два месяца, на них капали проценты, но этические принципы не позволяли нам что-либо присвоить. Та же самая этика требовала целой серии шагов по защите этих непрошеных денег. Я на них не посягал, но моим долгом было их сохранить.

По наивности или по глупости я позволил грязным деньгам Подкупающего Барри остаться под контролем фирмы «Коупленд, Рид и Баннистер».

Завладев «охотничьим домиком», Барри спешно его отремонтировал, принарядил, обустроил минеральный источник, соорудил вертолетную площадку. На арендованном им вертолете «Сикорский-76» можно было за двадцать минут доставить туда дюжину лучших друзей Барри из Вашингтона.

По пятницам вертолет делал несколько рейсов, после чего начиналось веселье. На этом этапе своей карьеры Барри уже брезговал бюрократами и лоббистами, занявшись непосредственно конгрессменами и начальниками их штабов. На его курорте в их распоряжении было все необходимое: отличная еда и выпивка, кубинские сигары, наркотики, тридцатилетний скотч и двадцатилетние женщины. Иногда доходило и до охоты на куропаток, но чаще гостей занимала сногсшибательная коллекция рослых блондинок.

Та девушка была из Украины. На суде – моем суде – ее сутенер показал на плохом английском, что девушку, за которую он получил сто тысяч наличными, отвезли в «домик» и выделили комнату. Деньги передавал головорез, выступавший как свидетель обвинения и назвавшийся одним из подручных Барри.

Девушка умерла. По данным вскрытия, причиной смерти стала передозировка наркотиков после долгого веселья в обществе Барри и его вашингтонских дружков. По слухам, утром она была найдена мертвой в постели конгрессмена США, хотя доказать это не удалось. Барри постарался спрятать концы в воду до приезда полиции. С кем спала девушка в свою последнюю ночь, так и осталось тайной, но вокруг Барри разразился медиашторм, не пощадивший его бизнес, друзей, самолеты, яхты, вертолеты, рестораны, курорты, добравшийся до темных глубин его связей и влияния. Приятели и клиенты Барри бросились врассыпную. Возмущенные конгрессмены, взбудораженные репортерами, потребовали слушаний и расследований.

Все обернулось еще хуже, когда в Киеве нашли мать умершей. Она предъявила свидетельство о рождении, из которого явствовало, что ее дочери было всего шестнадцать лет. Шестнадцатилетняя секс-рабыня ублажала конгрессменов в «охотничьем домике» в горах Аллегени, в какой-то паре часов езды от американского Капитолия.

В первоначальном стостраничном обвинительном заключении фигурировало четырнадцать обвиняемых, нарушавших закон невероятным количеством способов. Среди этих четырнадцати был и я, уличенный будто бы в том, что обычно называют «отмыванием денег». Позволив одной из анонимных корпораций Барри Рафко разместить деньги на доверительном счете моей фирмы, я предположительно помогал ему похищать их у клиентов, отмывать эти грязные средства в офшорах и превращать в безупречную собственность – конкретно, в шикарный «охотничий домик». Меня обвинили также в содействии

Барри в укрывании денег от ФБР, Налогового управления и т. д.

Досудебная возня сократила список обвиняемых; некоторым облегчили участь, позволив сотрудничать с властями или проходить по другим делам. Мы с адвокатом подали двадцать два ходатайства между днем предъявления мне обвинения и началом процесса, но удовлетворено было всего одно, да и эта победа оказалась бесполезной.

Министерство юстиции, действуя руками ФБР и федерального прокурора в Вашингтоне, решило отыграться на Барри Рафко и его сообщниках, включая одного конгрессмена и помощника конгрессмена. Если кто-то из нас оказался бы невиновным – тем хуже для него; правительство было полно решимости исказить, если потребуется, нашу версию истины.

Так я оказался в переполненном зале суда вместе с другими семью подсудимыми, включая самого гнусного дельца от политики из всех орудовавших в Вашингтоне многие десятилетия. Что ж, я был виновен: виновен в глупости, из-за которой угодил в этот переплет.

После выбора жюри присяжных федеральный прокурор предложил мне последнюю сделку: я признаю себя виновным в нарушении законов RICO, плачу десятитысячный штраф и сажусь на два года.

Но я в очередной раз послал их куда подальше. Я был невиновен.

Глава 8

Г-ну Виктору Уэстлейку,

помощнику директора ФБР

Гувер-билдинг

935, Пенсильвания-авеню

Вашингтон О.К., 20535

Уважаемый мистер Уэстлейк!

Меня зовут Малкольм Баннистер, я заключенный федерального тюремного лагеря во Фростбурге, Мэриленд. В понедельник, 21 февраля 2011 г., я беседовал с двумя Вашими сотрудниками, расследующими убийство судьи Фосетта, агентами Хански и Эрарди. Они приятные люди, но мне кажется, что своим рассказом я несильно их впечатлил.

Сегодняшние «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнал», «Роанок таймс» пишут, что Вы еще не раскрыли убийство и почти не располагаете уликами. Я не могу утверждать, что у Вас нет списка подозреваемых, но гарантирую, что истинного убийцы в составленных Вами и Вашими подчиненными списках нет.

Я объяснил Хански и Эрарди, что знаю, кто убийца, и знаю его мотив.

Если Хански и Эрарди пренебрегли подробностями – кстати, они не очень-то старались их записывать, – то я предлагаю следующую сделку: я называю убийцу, а вы (правительство) выпускаете меня из тюрьмы. Меня не устроит ни условная отсрочка приговора, ни условно-досрочное освобождение. Я выхожу свободным человеком, новой личностью и с обеспеченной Вами защитой.

Разумеется, в такой сделке придется участвовать Минюсту и федеральной прокуратуре Северного и Южного дистриктов Виргинии.

Кроме того, я требую назначенного за имя убийцы вознаграждения. В сегодняшнем номере «Роанок таймс» написано, что оно увеличено до ста пятидесяти тысяч долларов.

Если хотите, можете продолжать бесполезные поиски.

Нам с Вами, бывшим десантникам, стоило бы поговорить.

Вы знаете, где меня найти.

Искренне Ваш,

Малкольм Баннистер, номер 44861-127.

Мой сокамерник – девятнадцатилетний чернокожий из Балтимора, посаженный на восемь лет за торговлю кокаином. Джерард такой же, как тысячи других парней, которых я навидался за прошедшие пять лет: черный юнец из центрального городского района, рожденный матерью-подростком и не имеющий отца. В десятом классе он бросил школу, чтобы работать, мыть посуду. Когда его мать села в тюрьму, он поселился у бабки, на иждивении у которой и так уже была куча его двоюродных братьев и сестер. Сначала он стал употреблять крэк, потом занялся его продажей. Уличная жизнь не испортила Джерарда: он добрая душа. Насильственных преступлений он не совершал и не должен провести всю жизнь за решеткой. Просто он один из миллиона молодых чернокожих, за содержание которых в неволе платит налогоплательщик. У нас в стране число заключенных приближается к двум с половиной миллионам – самый большой процент лишенных свободы по отношению к численности населения среди всех цивилизованных и полуцивилизованных государств.

Обычное дело – иметь неприятного тебе сокамерника. Был у меня один такой, почти не спавший и всю ночь не выключавший свой айпод. У него имелись наушники – правило требует надевать их после десяти вечера, но звук был такой громкий, что я все равно слышал музыку. Три месяца я добивался перевода в другую камеру. Джерард – другое дело: он правила уважает. Он рассказывает, что однажды ему пришлось несколько недель ночевать в брошенной машине, где он чуть не околел от холода. После такого станешь ценить тепло и покой.

Наш с Джерардом день начинается в шесть утра, по будильнику. Мы быстро натягиваем тюремную рабочую одежду, стараясь не мешать друг другу, насколько позволяет камера площадью десять на двенадцать футов. Мы застилаем койки – у него верхняя, у меня, учитывая мой возраст, нижняя. В шесть тридцать мы выходим в столовую, на завтрак.

Столовая разделена невидимыми барьерами, определяющими, где кому принимать пищу. У черных своя секция, у белых своя, у оливковых – латиносов – своя. Смешение воспринимается плохо и почти никогда не происходит. Хотя Фростбург – лагерь, он остается тюрьмой, и все мы живем здесь в большом

психологическом напряжении. Одно из основных правил тюремного этикета – уважение чужого личного пространства. Нельзя нарушать очередь, нельзя ни за чем тянуться. Хочешь соль или перец – попроси передать, не забыв про «пожалуйста». В Луисвилле, где я сидел раньше, в столовой нередко дрались, и виновником драки обычно становился какой-нибудь болван с острыми локтями, вторгшийся в чужое пространство.

Здесь все по-другому: мы едим медленно, с хорошими манерами – даже удивительно для мотающих срок преступников. Выйдя из тесных камер, мы наслаждаемся простором столовой. В ходу, конечно, насмешки, грубые шутки, разговоры про женщин. Знавал я людей, сидевших в одиночке: хуже всего там – отсутствие общения. Мало кто это выносит, большинство ломается уже через несколько дней. Даже отъявленным отшельникам – а в тюрьме таких полно – нужны люди вокруг.

После завтрака Джерард идет драить полы. У меня есть еще час бездействия перед явкой в библиотеку. Я посвящаю его чтению газет в «кофейной комнате».

Сегодня в деле Фосетта опять мало прогресса. Интерес представляет разве что жалоба его старшего сына, сказавшего репортеру «Пост», что ФБР не удосуживается держать семью в курсе расследования. ФБР отмалчивается.

День ото дня им становится все труднее.

Вчера один репортер писал об интересе ФБР к бывшему мужу Наоми Клэри. Три года назад они скандально развелись: стороны обвиняли друг друга в супружеской неверности. Источники сообщили репортеру, что фэбээровцы допрашивали экс-мужа минимум дважды.

Библиотека находится в пристройке, под одной крышей с маленькой часовней и медпунктом. В длину она имеет ровно сорок футов, в ширину ровно тридцать. Располагает четырьмя отдельными закутками-«кабинетами», пятью настольными компьютерами и тремя длинными столами, за которыми заключенным можно читать, писать или что-нибудь изучать. Шкафов в библиотеке десять, все тесно заставлены книгами, в основном в твердых переплетах. Книг в общей сложности тысячи полторы. В камере Фростбурга разрешается держать до десяти книжек в бумажных обложках, хотя практически все набирают больше. Заключенный может посещать библиотеку в

нерабочее время. Правила более или менее гибкие. За неделю разрешается поменять две книжки, и я трачу половину времени на учет не сданной вовремя литературы.

Четверть своего рабочего дня я посвящаю обязанностям тюремного адвоката. Сегодня у меня новый клиент. В городке в Северной Каролине у Романа был ломбард, где он специализировался в скупке краденого, главным образом огнестрельного оружия. Поставщиками ему служили две банды спятивших от кокаина идиотов, грабивших средь бела дня богатые дома. Греша полным непрофессионализмом, они попались с поличным и уже спустя считанные минуты после ареста принялись друг друга закладывать. Вскоре пришли за Романом и предъявили ему целый ворох обвинений. Он все отрицал, но назначенный судом адвокат оказался тупицей.

Я вовсе не дока в уголовном праве, но ошибки, наделанные адвокатом Романа во время суда, перечислил бы любой зеленый первокурсник юридического факультета. Романа признали виновным и приговорили к семи годам, и теперь его дело находилось на апелляции. Он пришел нагруженный своими «правовыми документами» – заключенным разрешено держать эту макулатуру в камерах, и мы изучаем их в моем кабинетике, каморке с моими личными вещами, куда обычно нет хода другим заключенным. Роман безостановочно рассказывает об ошибках своего адвоката, и я не могу с ним не согласиться. «Неэффективная адвокатская помощь» – обычная жалоба осужденных, но она редко служит основанием для отмены приговора, кроме приговоров к смертной казни.

Меня вдохновляет возможность схватить за шиворот бездарного адвокатишку, разгуливающего на свободе и изображающего из себя невесть что. Мы проводим с Романом час и договариваемся о новой встрече.

Про судью Фосетта мне рассказал один из моих первых тюремных клиентов. Он рвался из тюрьмы на волю и воображал, будто я могу творить чудеса. Он точно знал, что лежало в сейфе в подвале домика, и торопился прибрать все это к рукам, прежде чем оно исчезнет.

Глава 9

Снова я в кабинете начальника тюрьмы. Обстановка изменилась. На Уэйде темный костюм, крахмальная белая рубашка, галстук с приятным узором, остроносые ковбойские сапоги начищены до блеска. Он, как всегда, самодоволен, но заметно нервничает.

– Не знаю уж, что вы наплели, Баннистер, – говорит он, – но ваш рассказ им приглянулся. Терпеть не могу повторять одно и то же, но если вы собрались всех надуть, то сильно поплатитесь.

– Никакого надувательства, сэр. – Подозреваю, что начальник тюрьмы подслушивал под дверью и знает, что я говорил фэбээровцам.

– Два дня назад сюда нагрянули сразу четыре агента, что-то тут вынюхивали, спрашивали, с кем тебя видели, кому ты оказывал юридическую помощь, с кем играл в шашки, где работал, с кем сидел за столом в столовой, с кем принимал душ, кем были твои сокамерники и все такое прочее.

– В душ я хожу один.

– Наверное, они выясняют, кто твои дружки.

– Не знаю, сэр, но меня это не удивило бы. Я этого ждал.

Я знал, что фэбээровцы взялись за Фростбург, хотя сам их не видел. В тюрьме тайны долго не живут, особенно когда появляются с вопросами люди извне. По-моему – кое-какой опыт имеется, – это очень неуклюжий способ выяснить мою подноготную.

– В общем, они опять здесь, – говорит он. – Нагрянут в десять часов. Предупредили, что быстро не уйдут.

До десяти остается пять минут. У меня опять сводит живот, и я пытаюсь глубоко дышать, не показывая волнения. Пожимаю плечами – подумаешь, мол.

– Кто на этот раз?

– Мне не сообщили.

Через несколько секунд звонит его телефон. Трубку снимает секретарша.

* * *

Все та же комната по соседству с кабинетом начальника тюрьмы. Сам он, конечно, отсутствует. Передо мной опять Хански и Эрарди, а также агрессивный молодой человек по фамилии Данливи, заместитель федерального прокурора из Южного дистрикта Виргинии, из Роанока.

Я стал важной персоной, вызвал доверие и любопытство. Теперь меня допрашивает более представительная бригада.

Данливи в этой троице младший по возрасту, но он федеральный прокурор, а эти двое – просто копы, пускай и федеральные. Поэтому Данливи сейчас главный и исполнен важности – навидался я таких. На самом деле он получил диплом юриста всего лет пять назад. Полагаю, говорить будет в основном он.

– Сами понимаете, мистер Баннистер, – начинает он до омерзения снисходительным тоном, – нас бы здесь не было, если бы ваш небольшой рассказ не вызвал кое-какой интерес.

«Кое-какой»? Ну и фрукт!

– Можно называть вас Малкольм?

– Лучше мистер Баннистер и мистер Данливи – пока так, дальше будет видно. – Я заключенный, и меня уже много лет не величали «мистером Баннистером». Мне нравится, как это звучит.

– Пожалуй. – Он быстро сует руку в карман, достает крохотный диктофон и кладет его на середину стола, между ними и мной. – Я бы хотел записать наш разговор, если не возражаете.

Это уже огромный шаг вперед. Неделю назад Хански и Эрарди ленились достать ручки, а теперь правительство намерено фиксировать каждое слово.

– Мне все равно, – бросаю я, пожимая плечами.

Он включает диктофон и говорит:

– Итак, вы утверждаете, что знаете, кто убил судью Фосетта, и хотите сообщить эту информацию в обмен на освобождение. Выйдя, вы желаете получить защиту. Таковы условия договоренности?

– Пожалуй, – отвечаю я, копируя его.

– Почему мы должны вам верить?

– Потому что я знаю правду, а вы от нее очень далеки.

– Откуда вам это известно?

– Известно, и все. Будь у вас серьезный подозреваемый, вы бы сейчас со мной не беседовали.

– Вы в контакте с убийцей?

– На этот вопрос я не отвечу.

– Вам бы следовало дать нам хотя бы что-то, мистер Баннистер, чтобы заинтересовать нас в нашей с вами небольшой сделке.

– Я бы не назвал ее небольшой.

– Пусть будет по-вашему. Объясните, как вы это себе представляете?

– Объясняю. Все тайно, строго конфиденциально. Мы заключаем письменное соглашение, утверждаемое федеральными прокурорами обоих дистриктов: Северного, где меня судили и приговорили, и Южного, где вы сейчас ведете расследование. На соглашении должен поставить подпись судья Слейтер, вынесший мне приговор. После заключения соглашения я называю вам имя убийцы. Вы его арестовываете, изобличаете, Большое жюри предъявляет

обвинение в убийстве, и меня внезапно переводят в другую тюрьму. Но я больше не сижу. Меня увозят отсюда, как будто переводят, но вместо перевода я поступаю под опеку программы защиты свидетелей. Мой приговор будет отменен, досье аннулировано, фамилия изменена, внешность, возможно, тоже при помощи пластической хирургии. Я получаю новые документы, новое лицо, хорошую федеральную должность где-нибудь в другом месте и в придачу вознаграждение.

На меня смотрят три каменных истукана.

– Это все? – произносит наконец Данливи.

– Все. Обсуждению не подлежит.

– Ничего себе… – бормочет Данливи. Не исключено, что я его шокировал. – Похоже, у вас было время все это обдумать.

– Гораздо больше, чем у вас.

– А если вы ошибаетесь? Вдруг мы арестуем не того человека, каким-то образом добьемся предъявления ему обвинения, вы выйдете – а мы проиграем дело в суде?

– Ваша проблема. Не сможете доказать его вину – ваша ошибка.

– Хорошо, мы его сцапали. Какие у нас будут улики?

– В вашем распоряжении все федеральное правительство. Заполучив убийцу, вы наверняка накопаете улики. Не могу же я делать за вас всю работу.

Для драматического эффекта Данливи встает, потягивается и начинает прохаживаться по комнате, изображая глубокие сомнения. Потом снова садится и смотрит на меня.

– По-моему, мы зря теряем время.

Неуклюжий блеф молокососа, не имеющего права здесь находиться. Ветеран Хански чуть наклоняет голову и моргает. Ему не верится, что можно быть таким недотепой. Эрарди не сводит с меня глаз, и я чувствую его отчаяние. Чувствую и напряжение между ФБР и прокуратурой – обычное дело.

Я медленно встаю.

– Вы правы, мы теряем время. Я больше не стану с вами встречаться, пока вы не перестанете присылать безусых юнцов. Я назвал вам свои условия и в следующий раз хочу говорить с мистером Виктором Уэстлейком и с кем-нибудь из вашего начальства, мистер Данливи. Если вы пожалуете вновь, я уйду.

Сказал – и вышел. Закрывая за собой дверь, я видел, как Хански потирает виски.

Они обязательно вернутся.

Встречу можно было бы устроить прямо в Вашингтоне, в Гувер-билдинг на Пенсильвания-авеню. Виктор Уэстлейк был бы только рад побывать дома, повидаться с боссом, дать нагоняй подчиненным, поужинать в кругу семьи и все такое прочее. Но нет, сменить обстановку захотелось самому директору: надо ведь и ему хотя бы иногда покидать служебный кабинет. Поэтому он погрузил свою свиту в роскошный частный самолет, один из четырех в эскадрилье ФБР, и через сорок минут приземлился в Роаноке.

Его зовут Джордж Мактейви, он служака шестидесяти одного года от роду, а не политический назначенец, хотя по политическим причинам между ним и президентом пробежала кошка. В Вашингтоне болтают, что Мактейви вот-вот лишится кресла. Президенту будто бы хочется сменить директора ФБР. Просидел четырнадцать лет – уступи место другому. В Гувер-билдинг те еще моральные устои, и оно полнится слухами. В последние месяцы он редко упускал шанс отдохнуть от Вашингтона хотя бы несколько часов.

Поэтому для него настоящее облегчение сосредоточиться на старомодном преступлении, убийстве. Он уже десять лет сражается с террором, и пока нет ни единого намека на причастность к гибели Фосетта «Аль-Каиды» или наших доморощенных террористических ячеек. Славные деньки борьбы с организованной преступностью и фальшивомонетчиками давно канули в Лету.

В Роаноке к трапу самолета подкатил здоровенный черный внедорожник, и Мактейви унесся вместе со своей свитой так стремительно, словно боялся снайперов. Уже через минуту они достигли «Морозильника».

Вояж директора преследовал две цели. Первая – поднять боевой дух следственной бригады и напомнить подчиненным, что их труд, пусть он пока ничего не дал, имеет величайшую важность. Вторая – подстегнуть их рвение. Наскоро обежав постройку и пожав десятки рук в лучшем стиле политика, вознамерившегося переизбраться, директор Мактейви уселся в самом просторном зале и приготовился к инструктажу.

Пережевывая пончики, директор и его старый друг Виктор Уэстлейк слушали пространный доклад старшего следователя о последних достижениях, то есть, собственно, ни о чем. Мактейви и сам все знал, поскольку переговаривался с Уэстлейком дважды в день.

– Перейдем к этому вашему Баннистеру, – сказал Мактейви, проскучав целый час.

Последовал еще один доклад. На сей раз нашлось что сказать всем участникам совещания.

– Последние данные таковы, – заговорил Уэстлейк. – Мы начали с его школьных приятелей, потом перешли к соученикам по колледжу и юридическому факультету. Подозрений не вызывает никто. Ни один из его друзей и просто знакомых не пересекался с судьей Фосеттом. Гангстеров, наркодельцов, уголовников среди них нет. Мы перешли к его бывшим клиентам – это уже труднее, поскольку многие его прежние дела недоступны. Здесь тоже ничего интересного. Десять лет он оставался захолустным адвокатишкой вместе с двумя другими адвокатами-афроамериканцами преклонных лет. У них все чисто, подкопаться не к чему.

– Он вел дела, подсудные судье Фосетту? – спросил Мактейви.

– Такие сведения отсутствуют. Он вообще почти не выходил на федеральный уровень, к тому же трудился в Северном дистрикте Виргинии. Можно сказать,

что Баннистер не пользовался большим спросом как судебный адвокат.

– То есть вы считаете, что с убийцей Фосетта Баннистер познакомился в тюрьме – если предполагать, конечно, что он знает правду.

– Совершенно верно. Первые двадцать два месяца своего срока он отсидел в пенитенциарном учреждении с режимом средней строгости в Луисвилле, Кентукки, где две тысячи заключенных. Там у него сменилось трое сокамерников, а сам он работал в прачечной и на кухне. Кроме того, он взял на себя обязанности тюремного адвоката и как минимум пяти заключенным помог выйти на свободу. Мы составили список полусотни людей, с которыми он был, вероятно, хорошо знаком, но, честно говоря, перебрать всех, с кем он контактировал в Луисвилле, невозможно. То же самое относится к Фростбургу. Здесь он находится уже три года, рядом с ним побывала добрая тысяча человек.

– Сколько имен в вашем списке? – спросил Мактейви.

– Примерно сто десять. Но большинство вызывают сомнение.

– Скольких из них приговорил Фосетт?

– Шестерых.

– То есть в тюремном досье Баннистера не раскопать явного подозреваемого?

– Пока что это так. Но мы продолжаем искать. Это наша вторая версия: судью убили из ненависти, вызванной неблагоприятным исходом суда. А первая – старое доброе убийство с целью ограбления.

– Как насчет третьей версии? – поинтересовался Мактейви.

– Есть и третья: бывший муж убитой секретарши, ревность, – ответил Уэстлейк.

– Но это маловероятно?

– Да.

– Четвертая версия?

– Четвертой пока нет.

Директор Мактейви попробовал кофе и сказал:

– Ну и дрянь вы пьете!

Двое подручных, стоявших у дальней стены, щелкнули каблуками и побежали искать кофе получше.

– Вы уж нас простите, – сказал Уэстлейк. Директор был известен как кофеман, не спускавший промашек по этой части.

– Напомните, что там у самого Баннистера, – попросил Мактейви.

– Десять лет за RICO. Он оказался замешан в дело Барри Рафко, хотя и на второстепенных ролях. Провернул для него кое-какие земельные аферы и попался.

– С шестнадцатилетними девушками не спал?

– Нет, с несовершеннолетними баловался конгрессмен. Баннистер – славный малый, бывший десантник, просто ему не повезло с клиентом.

– Но он виноват?

– По мнению присяжных – да. Судья тоже так решил. Не загремишь же на десять лет, ничего не натворив!

Перед директором поставили другую чашку кофе, он понюхал и решился на глоток. Все затаили дыхание. Новый глоток. Все дружно перевели дух.

– Почему мы верим Баннистеру? – спросил Мактейви.

Уэстлейк с радостью спихнул ответственность на другого:

– Хански!

Агент Крис Хански, давно ерзавший от нетерпения, откашлялся и начал:

– Не уверен, что он полностью заслуживает доверия, но производит благоприятное впечатление. Я дважды с ним говорил, внимательно за ним наблюдал и не заметил признаков обмана. Он головастый, но рубит сплеча. Обманом он ничего не добьется. За пять лет отсидки вполне реально столкнуться с человеком, хотевшим убить или ограбить судью Фосетта.

– И мы понятия не имеем, кто бы это мог быть?

Хански посмотрел на Виктора Уэстлейка, и тот сказал:

– На сегодня – нет, не имеем. Но повторяю, мы роем землю.

– По-моему, у нас не много шансов идентифицировать убийцу исходя из того, что Баннистер мог столкнуться с ним в тюрьме, – проговорил Мактейви, демонстрируя завидную логику. – Эдак мы без толку провозимся хоть десять лет. В чем опасность сделки с Баннистером? Он – юрист-мошенник, уже отбывший пять лет за нарушение закона, в свете всего того процесса вполне безобидное. Ты согласен, Вик?

Тот утвердительно кивнул.

– Наш парень выходит из тюрьмы, – продолжил Мактейви. – Мы что, выпускаем серийного убийцу или сексуального маньяка? Если он не врет, то дело будет раскрыто и мы спокойно разойдемся по домам. Даже если окажется, что он обвел нас вокруг пальца, – невелика потеря!

В тот момент никто за столом не мог и помыслить, чтобы директор ошибался.

– Кто станет возражать? – спросил Мактейви.

– Федеральная прокуратура не на нашей стороне, – напомнил Уэстлейк.

– Это нестрашно, – сказал Мактейви. – Завтра я встречаюсь с министром юстиции. Прокуратуру я беру на себя. Какие еще проблемы?

Хански вновь откашлялся.

– Сэр, Баннистер ставит условие, что назовет нам имя только после подписания федеральным судьей ордера о смягчении наказания. Не знаю точно, как это сработает, но смягчение его приговора автоматически вступит в силу после предъявления Большим жюри обвинения нашему неизвестному пока преступнику.

Мактейви отмахнулся от этого уточнения:

– Для этого у нас есть юристы. У Баннистера имеется адвокат?

– Мне об этом ничего не известно.

– Он ему нужен?

– С радостью спрошу его об этом.

– Соглашаемся на сделку, – нетерпеливо заключил Мактейви. – У нее много достоинств и почти нет недостатков. Учитывая, как мало мы продвинулись вперед, нам необходим прорыв.

Глава 10

После убийства судьи Фосетта и Наоми Клэри минул месяц. Газеты пишут о расследовании все меньше и все реже. Сначала ФБР воздерживалось от комментариев, а через месяц, когда сказать все равно было нечего, похоже, отозвало свою следственную бригаду. За это время произошло землетрясение в Боливии, стрельба на школьном дворе в Канзасе, одна звезда рэпа умерла от передозировки, другая, наоборот, излечилась от зависимости. Кажется, все сговорились переключить внимание на более важные темы.

Для меня все это – добрые вести. Может показаться, что расследование сошло на нет, но внутреннее напряжение нарастает. Мой наихудший кошмар – жирный заголовок, сообщающий об аресте подозреваемого, но это все менее вероятно. Проходят дни, я набрался терпения и жду.

Я принимаю только тех клиентов, которые удосуживаются записаться. Мы беседуем в моей каморке в библиотеке. Они приходят, нагруженные своими правовыми документами – заявлениями, ордерами, ходатайствами и постановлениями, – которые нам, заключенным, позволено держать в своих камерах. СИСам нельзя к ним притрагиваться.

Обычно хватает двух бесед со стандартным клиентом, чтобы убедить его в беспочвенности надежд. Первую я посвящаю изучению сути дела и документов. Затем еще несколько часов работаю с делом. На второй встрече я обычно сообщаю грустную новость: ничего не выйдет. Лазейки отсутствуют, спасения нет.

Но за пять лет набралось шесть заключенных, которым я помог добиться досрочного освобождения. Излишне говорить, как это поспособствовало моей репутации хорошего тюремного юриста, но я все равно предупреждаю всех, что шансов на успех заведомо немного.

То же самое я объясняю молодому Отису Картеру, двадцатитрехлетнему отцу двоих детей. Следующие четырнадцать месяцев он проведет здесь, во Фростбурге, за преступление, которое не должно называться преступлением. Отис – сельский парень, искренне верующий баптист, электрик, состоящий в счастливом браке, и до сих пор не верит, что угодил в федеральную тюрьму. Их с дедом признали виновными в нарушении закона 1979 года об охране полей сражений и предметов, относящихся к Гражданской войне (с поправками от 1983, 1989, 1997, 2002, 2008 и 2010 годов). Семидесятичетырехлетний дед, больной эмфиземой, содержится в Федеральном медицинском центре в Теннесси и тоже отбывает четырнадцатимесячный срок. Из-за состояния здоровья он обойдется налогоплательщикам в двадцать пять тысяч долларов в месяц.

Картеры искали военные реликвии на своей ферме, примыкающей к Государственному историческому парку битвы при Нью-Маркете в долине Шенандоа, меньше чем в часе езды от моего родного Уинчестера. Ферма принадлежит этой семье уже больше ста лет, и Отис, едва научившись ходить,

стал сопровождать деда в поисках реликвий и сувениров Гражданской войны. За несколько десятилетий семейство собрало внушительную коллекцию пуль, ядер, фляжек, медных пуговиц, лоскутов мундиров; предметами их гордости были два боевых знамени и несколько десятков всевозможных ружей. Все это укладывалось в рамки закона. Нарушением закона является перенос артефактов и реликвий с территории национальной исторической достопримечательности, федеральной земли, о чем Картеры прекрасно знали. Их маленький семейный музей в бывшем сенном сарае состоял из экспонатов, найденных на собственной земле.

Однако в 2010 году в закон об охране полей сражений и реликвий Гражданской войны была внесена очередная поправка. Усилия защитников памятников истории по ограничению хозяйственной деятельности вблизи полей сражения увенчались коротенькой припиской к этой поправке размером в сотню страниц. Статус противозаконных приобрели раскопки «ближе двух миль» от границы достопримечательности, независимо от того, на чьих землях они ведутся. Картеров о новых правилах не уведомили, и немудрено: этот пункт был похоронен так глубоко в недрах поправки, что о нем не знал буквально никто.

Федеральные агенты много лет донимали деда Отиса, обвиняя его в раскопках на охраняемой земле. Его периодически задерживали и требовали показать домашний музей. После изменения закона они дождались возможности поймать деда и внука с металлодетектором в роще на территории Картеров. Те наняли адвоката, который посоветовал им признать вину. Многие федеральные преступления более не требуют преступного умысла, незнание закона не служит оправданием.

Как жертва RICO, федерального закона, славного чрезвычайно гибким применением, я проявляю острый интерес к беспрерывному разбуханию федерального уголовного кодекса, насчитывающего ныне более двадцати семи тысяч страниц. Конституция называет всего три федеральных преступления: измена, пиратство, фальшивомонетничество. Ныне нарушений федерального законодательства набирается четыре с половиной тысячи, и это число продолжает увеличиваться по мере роста суровости конгресса и изобретательности федеральных прокуроров, ищущих способы применения все новых и новых законов.

Отис мог бы потребовать признания поправки к закону неконституционным. Но многолетняя тяжба длилась бы еще долго после того, как он выйдет на свободу

и вернется домой, к семье. На второй встрече я объясняю ему это, и он теряет интерес к борьбе. Если нельзя выйти уже сейчас, то зачем возиться? Но его дело показалось мне любопытным, и мы договариваемся к нему вернуться.

Если мой замысел рухнет, то я, пожалуй, займусь делом Отиса и дойду до Верховного суда. Будет чему посвятить следующие пять лет!

Верховный суд дважды отказывался от рассмотрения моего дела. Доказать ничего невозможно, но было сильное ощущение, что мои апелляции пропускались через систему в ускоренном порядке, поскольку правительство очень торопилось убрать с глаз долой Барри Рафко и его сообщников, в том числе меня.

Меня признали виновным в ноябре 2005 года, а двумя месяцами позже приговорили к десяти годам. После вынесения приговора я был взят под стражу. Некоторым осужденным везет: им разрешается «самостоятельная явка к месту отбывания наказания», то есть пребывание на свободе до оговоренного срока. У таких есть время подготовиться. Но большинство лишены этой роскоши.

Мой адвокат думал, что мне дадут лет пять-шесть. Подкупающий Барри – главный обвиняемый, мишень, яркий негодяй, предмет всеобщей ненависти – получил двенадцать лет. Я, понятное дело, заслуживал в два-три раза меньше, чем эта куча дерьма. Дионн, моя красавица жена, такая любящая и участливая, сидела в зале суда рядом с моим опозоренным отцом до самого конца. Я был одним из восьми приговоренных в тот день и, стоя перед судьей Слейтером, слева от своего адвоката, едва дышал. «Этого не может быть, – твердил я себе, плохо различая все вокруг. – Я этого не заслуживаю. Я все могу объяснить. Я невиновен». Слейтер бранился, читал проповеди, ломал комедию для прессы, а я чувствовал себя проигрывающим матч боксером тяжелого веса в пятнадцатом раунде – висящим на канатах, закрывающим лицо и ждущим нового удара. Колени ватные, весь мокрый как мышь.

Судья Слейтер сказал: «Десять лет», – и я услышал позади себя крик: Дионн разрыдалась. Когда меня уводили, я в последний раз оглянулся. Сто раз видел это в кино, в телешоу, в репортажах из зала суда: испуганный прощальный взгляд приговоренного. О чем думаешь, когда твой путь лежит из зала суда не домой? На самом деле ответить на это непросто: в голове роятся случайные

мысли, тебя мучает страх, душит злоба, захлестывают чувства – где тут понять, что происходит…

Дионн в ужасе закрыла рот ладонями, вся в слезах. Отец обнял ее, пытаясь успокоить. Последнее, что я видел, – моя красавица жена, обезумевшая и совершенно раздавленная.

А теперь она вышла замуж за другого.

Спасибо за все это федеральному правительству.

Мои присяжные были из Вашингтона. Некоторые выглядели неглупыми и образованными, но о большинстве этого нельзя было сказать. После трехдневных совещаний они объявили судье, что топчутся на месте. Винить их было не за что. Вывалив в зале суда целую кучу обвинений, вытекающих из уголовного кодекса, обвинители прибегли к старой стратегии: стали швыряться в стену грязью в надежде, что часть пристанет. Этот перебор превратил нехитрое с виду дело против Барри Рафко и конгрессмена в настоящий юридический кошмар. Я провел невесть сколько времени, занимаясь собственной защитой, но так и не уяснил всех версий обвинения. Мой адвокат с самого начала предсказывал, что коллегия присяжных не придет к общему мнению.

После четырех дней совещаний судья Слейтер прибег к способу, прозванному в судебных кругах «динамитной шашкой»: потребовал, чтобы присяжные засели в совещательной комнате и любой ценой вынесли вердикт. Пока не вынесете, домой не вернетесь! Это не часто срабатывает, но мне не повезло. Спустя час полностью обессиленные присяжные огласили единодушно принятые обвинительные вердикты в отношении всех подсудимых и по всем пунктам обвинения. Мне, да и другим, было очевидно, что они не поняли многих положений кодекса, не говоря о запутанных версиях обвинения. Один из присяжных впоследствии заявил: «Мы предположили, что они виновны, ведь иначе их вообще не привлекли бы к суду». Я использовал эту цитату в своих апелляциях, но она, похоже, прошла незамеченной.

На протяжении всего процесса я внимательно наблюдал за присяжными и видел, насколько они подавлены. А как иначе? Девять адвокатов предлагали собственные версии происшедшего. Зал суда пришлось переоборудовать, чтобы

в нем поместились все подсудимые со своими защитниками.

Суд был спектаклем, фарсом, смехотворным способом установить истину. Но истина, как я понял, не важна. Может, когда-то давным-давно суд служил ареной для изложения фактов, для поиска правды и справедливости. А теперь это состязание, в котором одна сторона побеждает, другая терпит поражение. Одна сторона ждет от другой нарушения правил и жульничества, о честной игре речи не идет. В свалке теряется главное – правда.

Через два месяца я вернулся в зал суда за приговором. Мой адвокат испрашивал для меня разрешение на самостоятельную явку, но судья Слейтер запрос отклонил. Приговорив к десяти годам, он распорядился взять меня под стражу.

Удивительно, что в федеральных судей так редко стреляют! Не одну неделю потом я вынашивал всевозможные схемы медленного мучительного умерщвления Слейтера.

Сначала федеральные маршалы доставили меня в суд, в специальную камеру, а потом в вашингтонскую тюрьму, где меня раздели, обыскали, выдали оранжевый комбинезон и заперли в камере с еще шестью заключенными. Коек там было всего четыре. Первую ночь я коротал на цементном полу под тонким дырявым одеялом. Городская тюрьма – шумный, битком набитый зверинец, где не хватает персонала и сон невозможен. Я был слишком напуган и потрясен, чтобы уснуть, поэтому, забившись в угол, до зари слушал вопли и угрозы. Так я провел неделю, почти не ел и не спал, справлял малую нужду в зловонный открытый унитаз со сломанным сливом под носом у сокамерников. Один раз нас набилось в камеру целый десяток. Душа я не принимал. Когда приспичит, страждущий просился в туалет в коридоре.

Транспортировка федеральных заключенных, осуществляемая федеральными маршалами, – это тоже форменный кошмар. Арестантов независимо от тяжести преступления и опасности, которую они представляют, возят вместе, а потому во всех видят дикарей и убийц. Для каждого перемещения мне на руки надевали наручники, на ноги кандалы, приковывали к одному бедолаге впереди и к другому сзади. Настроение у маршалов злобное. Их задача – перевезти узников, исключив побег. Заключенные – многие такие же «первоходки», как я, – напуганы, угнетены, совершенно растеряны.

Нас, четырнадцать душ, закованных в наручники и кандалы, вывезли из Вашингтона в автобусе без опознавательных знаков, когда-то доставлявшем учеников в школу. Наш путь лежал на юг. Впереди сидел маршал с карабином. Четыре часа дороги – и окружная тюрьма в Северной Каролине. Нам сунули по сырому сандвичу и разрешили помочиться за автобусом, по-прежнему закованным. После двух часов ожидания к нам подсадили еще троих заключенных и повезли на запад. На протяжении шести дней мы останавливались в окружных тюрьмах Северной Каролины, Теннесси и Алабамы, кого-то забирали, кого-то высаживали, и всякий раз ночевали в новой тюремной камере.

Окружные тюрьмы хуже любых других: крохотные перенаселенные камеры без отопления, кондиционирования, солнечного света, нормальной канализации; еда, от которой отвернулись бы даже собаки; мало воды; головорезы-надзиратели; бал правит насилие; «свои» заключенные, не дающие спуску «пришлым». Я не мог представить, что в стране возможны такие жуткие условия, – простительная наивность. Путешествие никак не кончалось, настроение становилось все хуже, в автобусе усиливалась грызня. Но мы взялись за ум, когда видавший виды ветеран объяснил нам принцип «дизельной терапии». Жалуешься, причиняешь беспокойство – и маршалы будут возить тебя в автобусе неделями, устроив бесплатный тур по десяткам окружных тюряг.

Куда спешить? Маршалам разрешено перевозить заключенных только в дневное время суток, а потому расстояния невелики. Наши удобства их нисколько не занимают.

В конце концов мы добрались до распределительного узла в Атланте – отвратительнейшего места, где меня гноили в одиночке по двадцать три часа в сутки, пока мое дело ползло со скоростью улитки по чьему-то письменному столу в Вашингтоне. Через три недели такого режима я стал сходить с ума. Ни почитать, ни словом перекинуться, жуткая еда, мерзкие надзиратели. В итоге нас снова сковали по рукам и ногам, запихнули в другой автобус и отвезли в аэропорт Атланты, где ждал грузовой самолет – тоже без опознавательных знаков. Прикованные к пластмассовой скамейке и упираясь друг в друга коленями, мы прилетели в Майами, не представляя, что нас ждет. Один из маршалов соизволил утолить наше любопытство. В Майами к нам подсадили еще нескольких человек и, как и обещал маршал, отправили в Новый Орлеан, где мы час провели в сумасшедшей духоте и влажности, пока маршалы приковывали к нам новых пересыльных.

В самолете разрешалось разговаривать, и от болтовни мы пришли в себя. Большинство протомились несколько дней в одиночках. Для некоторых это была не первая транспортировка, и они поведали о цепях – еще одном удобстве от федерального правительства. Я стал прислушиваться к описаниям тюремной жизни.

В темноте мы сели в Оклахома-Сити, где нас затолкали в автобус и повезли в очередной распределительный узел. Там оказалось не так плохо, как в Атланте, но я все равно уже подумывал о самоубийстве. Пять дней в одиночке – и опять в аэропорт. Мы прилетели в Техас, мировую столицу смертельных инъекций, и я размечтался о воткнутой мне в руку игле и о спасительном вечном забытье. Восьмерых крутых парней-латиносов усадили в Далласе на рейс «Зек-эйр», и мы перелетели в Литтл-Рок, оттуда в Мемфис, оттуда в Цинциннати – где мои перелеты завершились. Я провел шесть ночей в опасной городской тюрьме, после чего двое маршалов отвезли меня в тюрьму в Луисвилле, Кентукки.

От Луисвилля до моего виргинского Уинчестера пятьсот миль. Если бы мне разрешили самостоятельную явку, то мы с отцом доехали бы туда за восемь часов. Он высадил бы меня перед воротами и попрощался.

Вместо этого – сорок четыре дня мучений, из них двадцать шесть в одиночках; слишком много остановок, чтобы все упомнить. Во всем этом нет ни капли логики, но никому нет до этого дела. Никакого контроля!

Истинная трагедия федеральной системы исполнения наказаний не в ее нелепостях. Она в загубленных, зря потраченных жизнях. Конгресс требует длинных суровых приговоров, и в отношении уголовников, творящих насилие, это оправданно. Закоренелых преступников держат в федеральных тюрьмах строгого режима, крепостях, где орудуют банды, а убийство – обычное дело. Но большинство федеральных преступников осуждены за ненасильственные преступления, причем многие совершили деяния, почти или совсем не связанные с криминалом.

Весь остаток жизни на меня будут смотреть как на преступника, и я отказываюсь с этим мириться. Я хочу избавить свою жизнь от следов прошлого и не впускать в нее щупальца федерального правительства.

Глава 11

Параграф 35 Федерального уголовно-процессуального кодекса предусматривает один-единственный механизм смягчения тюремного приговора. Его логика великолепна и идеально подходит для моего случая. Если заключенный поспособствует раскрытию другого преступления в интересах федеральных властей, то его приговор может быть сокращен. Конечно, для этого требуется взаимодействие правоохранительных органов – ФБР, Управления по борьбе с наркотиками, ЦРУ, Управления контроля за табаком, алкоголем, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами и прочих, – а также суда, вынесшего приговор.

Если все пойдет по плану, то мне, возможно, скоро будет предоставлена честь встретиться с достопочтенным судьей Слейтером – на сей раз уже на моих условиях.

Начальник тюрьмы ко мне подобрел. Он думает, что располагает ценностью, важной для начальства, и хочет находиться в гуще событий. Я подсаживаюсь к его письменному столу, и он предлагает мне кофе. Это сюрреалистическое предложение невозможно осознать: всемогущий начальник угощает кофе заключенного!

– С удовольствием, – отвечаю я. – Черный.

Он жмет на кнопку и сообщает наши пожелания секретарше. Как я погляжу, на нем сегодня запонки – хороший знак.

– Нынче у меня большие гости, Мэл, – сообщает он самодовольно, словно координирует все усилия по розыску убийцы. Мы с ним теперь близкие друзья, и он называет меня по имени. Раньше я был просто Баннистером.

– Кто? – спрашиваю я.

– Глава следственной бригады Виктор Уэстлейк из Вашингтона и свора юристов. Похоже, ты привлек их внимание.

Я не могу сдержать улыбку, но тут же принимаю серьезный вид.

– Этот человек, убийца судьи Фосетта, когда-нибудь был здесь? – спрашивает начальник.

– Простите, сэр, на это я ответить не могу.

– Насколько я понимаю, либо здесь, либо в Луисвилле.

– Возможно. А может, я знавал его до тюрьмы.

Он хмурится, теребит подбородок.

– Понимаю…

Приносят кофе – на подносе, и впервые за много лет я пью из нормальной чашки, а не из пластмассовой или бумажной. Мы тратим несколько минут на болтовню ни о чем. В одиннадцать ноль пять из переговорного устройства на его столе раздается голос секретарши: «Пришли!» Я перехожу следом за ним в знакомую комнату для совещаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Знаменитый чернокожий комик. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Крупный город в штате Виргиния.

3

Так называется законодательный орган этого штата, старейший в Западном полушарии.

4

Имеется в виду закон о наказании лиц, подпавших под влияние рэкетиров, и о коррумпированных организациях.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhon-grishem/reketir

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить